

ЦЕНТР ДЕМОГРАФИИ И ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА ИНП РАН
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА Д. И К. МАКАРТУРОВ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ,
ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
И ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ**

Москва, 27-28 февраля 2002 года

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Москва, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	4
А.Г. Вишневецкий Демографические процессы в социальном контексте.....	4
В. А. Тишков Перепись населения и меняющиеся идентичности.....	6
Ж.А.Зайончковская Миграция и урбанизация, которые изменили Россию.....	10
СЕКЦИЯ I. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ XX ВЕКА	12
Е.М. Андреев, Т.Л. Харькова Незавершенность демографического перехода и демографические потери России.....	12
Б.Б. Прохоров Здоровье населения в зеркале модернизации.....	14
Е.А. Кваша Сокращение младенческой смертности в России - главный триумф демографической модернизации.....	17
Д. Д. Богоявленский Смертность от внешних причин в России в XX веке.....	18
С.В. Захаров Рождаемость в России: первый и второй демографический переход.....	19
С.Ф. Иванов Типы брачности и рождаемости в развитых странах.....	27
Е.И. Иванова Трансформация брачности в России в XX веке: основные этапы.....	28
В.И. Сакевич Можно ли обойтись без планирования семьи?.....	32
В.И. Козлов Этнокультурные факторы рождаемости.....	35
В.В. Елизаров О перспективах демографической политики.....	35
СЕКЦИЯ II. ИЗМЕНЕНИЯ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ РОССИЯН В XX ВЕКЕ	40
Б.Н. Миронов Общество и частная жизнь в России в зеркале семейных отношений от Алексея Михайловича до Владимира Владимировича.....	40
А.И. Антонов Есть ли будущее у нуклеарной семьи?.....	43
Н.Л. Пушкарева Частная жизнь и проблема повседневности глазами историка.....	44

Е.Ю. Мещеркина Частная жизнь как предмет социологического анализа.....	46
А.С. Ахнезер Формирование частной и общественной жизни в России в XX в. в свете глобальных сдвигов в культуре.....	47
Б.В. Дубин Быт, бытовщина, обыденность: Идея и история повседневности в России.....	51
Е.Н. Яркова Развитие утилитаризма и сдвиги в частной жизни: сравнительный анализ России и Киргизии (советский и постсоветский периоды).....	54
Морозов И.А. Мужские ценности и традиции в современной России.....	57
А.Г. Левинсон Советские вещи и постсоветские люди.....	59
СЕКЦИЯ III. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ	61
Л.М. Дробижева Этническая идентичность: советское наследие и современные подходы.....	61
Л.Д. Гудков Особенности модернизации в России и характер русской этнонациональной идентичности.....	62
Н.М. Лебедева Изменяющаяся социальная идентичность на постсоветском пространстве.....	64
А.Д. Коростелев Этническая идентичность: структура и вариативность.....	64
С.В. Соколовский Этническая идентичность в переписях населения: классификационные принципы и подходы.....	65

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А.Г. Вишневский

Демографические процессы в социальном контексте

1. Россия вступила в третье тысячелетие не в самой лучшей демографической форме. Неоправданно высокая смертность, низкая рождаемость, сокращение населения, замирающая миграция. Все это происходит на фоне более общих глубоких и болезненных экономических и социальных перемен, и неудивительно, что общественное мнение склонно рассматривать негативные демографические тенденции как прямое следствие этих перемен.

2. От того, верен или неверен такой взгляд, зависит понимание не только демографического настоящего, но и демографического будущего России. Если речь действительно идет о простой реакции на экономической и социальной кризис 90-х годов, то можно надеяться, что по мере преодоления этого кризиса улучшится и демографическая ситуация. Если же главные демографические тенденции имеют более глубокие причины и более давнее происхождение, то, возможно, нет и оснований для подобного оптимизма.

3. Хотя автор доклада принадлежит к числу тех демографов, которые рассматривают демографические процессы как относительно автономные по отношению к другим социальным процессам, он, конечно, не считает их абсолютно независимыми от социального, экономического или политического контекста. Более того, он полагает, что демографические тенденции в России надо рассматривать в двух контекстах: внутрироссийском и глобальном. Это относится ко всем главным демографическим процессам: смертности, рождаемости и миграции.

4. Тенденции смертности в России с наибольшим основанием могут быть охарактеризованы как кризисные, хотя их никак нельзя связывать только с событиями последних 10-15 лет, они четко прослеживаются по меньшей мере с середины 60-х годов. Главная причина – сохранение консервативных государственно-патерналистских установок, которые очень сильно ограничивают сферу индивидуальной активности и ответственности, в том числе и когда речь идет об охране собственного здоровья и жизни. Это особенно заметно на более поздних стадиях модернизации смертности, когда она в большей степени зависит от индивидуального поведения. Через более ранние и очень важные ее стадии процесс вымирания поколений в России XX века прошел довольно успешно. Тем не менее вся система ценностей – и индивидуальных, и общественных – все еще остается в значительной степени архаичной, предопределяет такое распределение приоритетов, при котором и общество, и каждый отдельный человек жертвует здоровьем и даже жизнью во имя других, считающихся более важными целей, охрана здоровья неизменно финансируется по «остаточному принципу», не обеспечивается должная свобода выбора врача, больницы, метода лечения, страхования и т.д. Все это и привело к тому, что уже несколько десятилетий назад модернизационные изменения были блокированы и ситуация со смертностью перестала улучшаться. В этом, собственно, и

заключается долговременный кризис смертности в России, последнее десятилетие не принесло принципиальных изменений.

5. Как ни странно, но откровенно кризисные, долговременные тенденции смертности тревожат российское общественное мнение гораздо меньше, чем тенденции рождаемости, дать однозначную оценку которым гораздо сложнее. Нет сомнения, что, с точки зрения внутрироссийского контекста, чрезвычайно низкая рождаемость, главная причина сокращения населения России, крайне неблагоприятна для страны. Однако, в отличие от очень высокой смертности, она не представляет собой чего-то исключительного, сходный уровень рождаемости наблюдается во многих развитых странах с совершенно иными социально-экономическими условиями. Это можно было бы интерпретировать как общий кризис всей современной «постиндустриальной» цивилизации, причины которого не могут быть найдены и устранены в одной стране. Впрочем, и при таком подходе нельзя не видеть, что снижение рождаемости в постиндустриальных обществах сопряжено со многими изменениями, которые принято интерпретировать как позитивные атрибуты модернизации: почти полная ликвидация детской смертности, эмансипация и самореализация женщины, растущие удельные инвестиции в детей, рост образования и пр. Учитывая это, возможно, следует говорить не о кризисе, а о внутренней противоречивости модернизационного процесса, а может быть и о том, что модернизация объективно переносит акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни.

Однако снижение рождаемости следует рассматривать и в более широком, глобальном контексте. В этом снижении можно видеть системную реакцию на общемировой демографический кризис, порожденный мировым демографическим взрывом и ростом нагрузки на ограниченные ресурсы планеты. При таком истолковании снижение рождаемости в глобальных масштабах ниже уровня простого воспроизводства на достаточно длительный период есть благо, а снижение рождаемости в России, как и на «Западе», – лишь эпизод такого глобального поворота. Как бы это ни было неприятно для всех развитых стран, а для России с ее огромной территорией – особенно, поделаться с этим ничего нельзя, потому что интересы сохранения всего человечества выше интересов отдельных стран.

6. Связь внутренних миграций с социальным контекстом, преимущественно внутрироссийским, очевидна. На протяжении большей части XX века многомиллионные перемещения сельского населения в города были одним из главных инструментов и одновременно результатов модернизационных сдвигов, которые изменили облик страны. С этими же сдвигами, в частности, с промышленным освоением новых районов, созданием новых городов и т.д. были связаны и межрайонные, в частности и межреспубликанские миграции советского периода. В то же время внешняя миграция на протяжении большей части этого периода была искусственно блокирована.

Политические перемены конца столетия, распад СССР и возникновение новой России в никогда не существовавших прежде границах очень сильно изменили общий контекст и выдвинули на первый план внешние миграции (тем более, что потенциал внутренних миграций к этому времени был в значительной степени исчерпан).

Новый внутрироссийский контекст, в котором теперь приходится рассматривать внешние миграции, противоречив. С одной стороны, явное несоот-

ветствие убывающего российского населения и огромной территории страны (больше, чем во времена СССР) делает желательной иммиграцию, и это – демографический процесс, которым управлять намного легче, чем смертностью или рождаемостью. С другой же стороны, всякая иммиграция порождает экономические, социальные, а иногда и политические напряжения, проблемы межкультурного взаимодействия и т.д., что неизбежно и в России, где пока преобладают антииммиграционные, а иногда и откровенно ксенофобские настроения. Поэтому рассчитывать на слишком благожелательное отношение россиян к иммиграции в ближайшее время не приходится.

Но существует еще и глобальный контекст, который определяется стремительным увеличением числа жителей в бедных развивающихся странах и нарастающим демографическим давлением на развитые страны. Оно проявляется, в частности, в нарастающей легальной и нелегальной миграции в эти страны, поисках политического убежища в них и т.д. Итоговый результат формируется под воздействием всех компонентов как внутрироссийского, так и мирового контекста, что делает этот результат трудно предсказуемым.

7. Отвечая на вопрос, поставленный в начале доклада, следует сказать, что главные нынешние демографические проблемы России едва ли следует связывать с экономическим и социальным развитием страны в последние 10-15 лет. Возможно, этот период высветил и обострил некоторые проблемы, но в своей основе они имеют давние исторические и социокультурные корни. Более того, большинство из этих проблем имманентны тому типу развития, который Россия избрала не одно десятилетие и даже не одно столетие тому назад, когда она вступила на путь догоняющей модернизации. Любая разумная стратегия общества должна учитывать глубокую обусловленность нынешних российских демографических тенденций, а не исходить из иллюзорных возможностей их легкого и быстрого изменения.

В. А. Тишков

Перепись населения и меняющиеся идентичности

Вопросы о национальности и об языке занимают важное место в переписи 2002 г. и имеют большое общественно-политическое значение. На этническую идентификацию оказывают влияние политика и наука, а также законодательство и некоторые государственные процедуры. Примерное число возможных самоидентификаций составляет 400-500 названий, что совсем не означает наличие такого же числа отличительных этнических общностей, а также не означает наличие их строгих иерархий по неким «объективным» характеристикам (этнос, субэтнос, суперэтнос, и прочее). В принципе в переписи будут зафиксированы все возможные самоназвания, и этим можно было бы ограничиться. Однако в нашей стране этнической принадлежности придается особое значение, в том числе и на политико-государственном уровне. Этническое многообразие в виде формулы «многонационального народа» зафиксировано в Конституции, отражается в административно-государственном устройстве и во многих законодательных актах федерального и регионального уровня. Отсюда необходимость осуществить статистическую разработку материалов переписи по этническому составу населения и здесь без «встречного списка» обойтись сложно. Такая процедура используется и в других странах, причем часто в бо-

лее жесткой форме, т.е. в вопроснике указываются группы, по которым должны «расписать» себя опрашиваемые.

Список национальностей всегда составлялся в советских переписях, и этот список уточнялся по итогам переписи, чаще всего по линии его сокращения. На наш взгляд, данный список не требует официального утверждения, ибо носит подвижный характер, и каждая из переписей всегда давала отличительный список. Особенно это касается переписи 2002 года в Российской Федерации, где после 1989 г. произошли серьезные изменения в этническом составе населения по причине смены идентификаций и миграционных процессов. Более того, предлагается сохранить возможность за Госкомстатом и РАН совместно решить вопросы определения основного списка, в том числе за счет перевода в категорию «другие национальности» представителей тех национальностей, число которых по итогам опроса окажется крайне незначительным по сравнению с основными массивами проживания в других странах. Список может быть сокращен после проведения опроса также за счет упразднения некоторых автономных групп и подгрупп, число которых также окажется крайне малым. Например, алыторцы, включенные в список коренных малочисленных народов благодаря лоббированию одного из депутатов Государственной думы, вполне могут числиться среди коряков, как это было в предыдущих переписях. Если окажется, что называющих себя сету в России всего несколько десятков, тогда возможно нет смысла выделять их из группы эстонцев. То же самое относится к черкесогаям (группа среди армян) и к югам (группа среди кетов).

В России сейчас очень мало румын, русин, венгров, дунган, шугнанцев, но они пока включены в основной список, ибо не известно сколько среди работающих в России мигрантов - выходцев из Украины (именно из западных областей), Молдовы и стран Средней Азии могут отнести себя к этим группам. Если это несколько тысяч, тогда несправедливо исключать их из списка, но если их несколько сот, тогда возможен перевод этих данных в категорию «другие национальности», по которым также будут известны основные данные переписи, но не будет нужды разрабатывать дорогостоящие отдельные таблицы по каждой из групп и по всем субъектам федерации, как это делается для основного списка. К сожалению, технология компьютерной обработки данных не позволяет осуществить обратную операцию, т.е. перемещение представителей той или иной национальности из категории «другие» в основной список, но список составлен достаточно полный, чтобы могли появиться многочисленные группы, которые придется обрабатывать в ручную.

Перечень национальностей построен на обновленных методологических принципах, учитывающих особенности современных этнических процессов, новые потребности управления в сфере этнокультурной политики и образования, демократизацию общественно-политической жизни, необходимость устранения недостатков прежних переписей населения и устаревших подходов, на которых они основывались. Основной целью вводимых изменений было обеспечение права граждан на самостоятельный выбор этнической и языковой идентификации и минимизация помех – идеологического, политического и бюрократического характера в реализации этого права. Существенное отличие между перечнями национальностей в переписях 1989 и 2002 годов - число выделенных этнических категорий учета. Как известно, в переписи 1989 года было выделено 128 национальностей, теперь же предлагается выделить около 150. Чем вызвано такое значительное увеличение числа национальностей, которые

намечается учесть в переписи 2002 года? Оно обусловлено, прежде всего тем, что в советских переписях, начиная с переписи 1937 года, по указанию властей, пропагандировавших консолидационные процессы в СССР, было резко снижено число признаваемых официально народов (такие же тенденции характерны и для других близких СССР идеологически государств, и прежде для многонациональных Китая и Вьетнама: в обеих странах число "официальных" национальностей в несколько раз ниже реально существующих там народов). Эта практика весьма охотно осуществлялась местными партийными элитами некоторых республик, которые с готовностью увеличивали численность господствующей в республике национальности за счет небольших якобы консолидировавшихся с ними этнических общностей.

Естественно, что такое присоединение многих малочисленных народов к более крупным по численности национальностям оказывало воздействие на реальное положение дел по части «этнической консолидации», но в действительности малые этнические сообщества или более мелкие этнические идентификации продолжали существовать. Исходя из ассимиляционистских установок, в состав более крупных этнических сообществ были включены следующие народы: к аварцам были присоединены андийцы, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, ахвахцы, багулалы, чамалалы, тиндалы, цезы, гинухцы, хваршины, бектинцы, гунзибцы (их обычно называют андо-цезскими народами), а также арчинцы, к даргинцам - кайтагцы и кубачинцы, к адыгейцам - шалсуги, к азербайджанцам - будугцы, крызы и хиналугцы, к грузинам - мегрелы, лазы, сваны и бацбийцы, к армянам - хемшилы, к курдам - йезиды, к русским - воль и камчадалы, к татарам - кряшены, сибирские татары и нагайбаки, к удмуртам - бөсермяне, к алтайцам - теленгиты, телеуты, тубалары, кумандинцы и челканцы, к бурятам - сойоты, к удэгейцам - тазы, к корякам - алюторцы и кереки, к таджикам - шугнанцы, рушанцы, бартангцы, ишкашимцы, ваханцы, язгулёмцы и ягнобцы. Называвшие себя чулымцы, частично включались в советских переписях в состав татар, а частично - в состав хакасов.

Почти все указанные категории учета по этническому принципу были выделены в переписи 1926 года, и лишь волевые решения властей прекратили их формальное существование. Характерно, что часть представителей этих народов, несмотря на давление со стороны государственных органов, выразившееся, в частности, в запрещении выдавать их представителям паспорта с указанием истинной национальности, до сих пор осознают себя самостоятельными, а в последнее время обращаются в органы государственной власти, а также к научному сообществу с просьбой восстановить их самостоятельный этнический статус. Они создают свои национально-культурные объединения и стремятся сохранить свои культурные традиции. Так, например, существует Союз автономий кряшен, который довольно активно действует и имеет поддержку среди представителей данной группы.

В соответствии с принципом учета национального (этнического) состава населения, а не его гражданского подданства, из перечня были исключены такие категории учета, существовавшие в переписи 1989 г., как американцы, арабы, индийцы, итальянцы, испанцы, кубинцы, и французы. Каждая из этих категорий, отсылает к наименованию граждан соответствующих стран, характеризующихся, в свою очередь, сложным этническим составом. Например, перепись 2000 г. в США зафиксировала около 120 групп различного расового и этнического происхождения. В Испании, как известно, проживают галисийцы, ката-

лонцы, баски, цыгане и др.; в Италии - сардинцы, фриулы, ладины, немцы и словенцы и др.; во Франции - корсиканцы, бретонцы, валлоны, эльзасцы, значительное число марокканских и алжирских арабов и т. п. Что касается прежде использовавшейся категории афганцы, также обозначающей гражданство, а не этническую принадлежность, то она была исключена из списка, однако из-за значительной численности выходцев из этой страны на территории России в перечень национальностей перечислены основные этнические группы этой страны - пуштуны, узбеки и таджики.

Кроме того, из перечня была исключена сборная категория арабы, поскольку она охватывала множество народов, проживающих в основном на территориях арабских стран (арабы Египта, Алжира, Саудовской Аравии, Сирии, Иордании и т.д.). Помимо этого, из списка были исключены дополнительно несколько категорий учета, относящихся преимущественно к иностранным гражданам, поскольку в межпереписной период 1989-2002 гг. их численность на территории России значительно сократилась. К таким категориям относятся австрийцы, албанцы, амхара, англичане, белуджи, бенгальцы, голландцы, сербы, пенджабцы, португальцы, словаки, сомали, хорваты, черногорцы, чехи, шведы и японцы. Признано целесообразным отнести эти немногочисленные группы к категории «Другие национальности», а не делать из них «основные народы России». Как известно, именно так тракуются итоговые данные переписей, и те самые 128 народов России по переписи 1989 г. или 176 народов по промежуточной переписи 1994 года на самом деле включали не менее 30 категорий выше названных малочисленных групп.

Существенным отличием нового перечня национальностей от всех предыдущих является то, что он предполагает получение полноценного статистического материала не только по национальностям, но также и по входящим в состав некоторых национальностей групп, отличающихся от основного этнического массива своим языком, культурой и религией и имеющих самостоятельное самосознание, но в то же время осознающих свою принадлежность к «основной» этнической общности. То есть впервые начинает вводиться принцип отражения множественного самосознания. В перечне выделены около 20 подобных категорий учета: немцы-меннониты, греки-урумы, финны-ингерманландцы, сету, мордва-мокша и мордва-эрзя, лугово-восточные марийцы и горные марийцы, осетины-иронцы и осетины-дигорцы, черкесогаи (подгруппа армян с адыгейским языком); аджарцы, ингилойцы, сваны, лазы и мегрелы (как подгруппы грузин), астраханские татары и мишари (как подгруппы татар), тувинцы-тоджинцы и некоторые другие. Все эти группы весьма специфичны и осознают свое отличие от «основных» народов. Так, например, осетины-иронцы и осетины-дигорцы, являясь одним народом, различаются по своей религии: иронцы - в своем большинстве православные христиане, а дигорцы - мусульмане.

Введение сложных категорий более точно отражает этническую мозаику населения России. Я уверен, что в скором будущем мы придем к признанию принципа множественной этнической принадлежности и в таких распространенных случаях, как русский-армянин, русский еврей, эвенк-якут и многие другие сочетания, когда отдельный индивид (особенно из этнически смешанных семей) в равной мере владеет языком и культурой отца и матери и имеет сложное самосознание.

Миграция и урбанизация, которые изменили Россию

1. Урбанизация является главным, глубинным социальным процессом, обуславливающим модернизацию российского общества на протяжении всего XX столетия. С ней сопряжены другие важнейшие социальные перемены - эволюция демографических процессов, эволюция расселения, структурные сдвиги в экономике, и, как следствие, - трансформация образа жизни людей и формирование иного типа личности, сильно отличного от исходного, присущего аграрному обществу.

2. Миграция была основным средством, обеспечивающим как переток населения из села в город и рост городов, так и продвижение урбанизации в новые районы. "Магниты города" стали основным фактором миграции. В результате Россия превратилась из аграрной страны, какой она вошла в XX век, в страну, где городское население стало преобладающим. Почти в половине субъектов Федерации доля городского населения превышает 70%, а каждый третий житель страны проживает в субъектах, где доля горожан достигает более 80%, тогда как субъекты, где городское население составляет менее половины, сосредотачивают всего около 3% населения России.

3. Урбанизация коренным образом меняет отношения населения с территорией его проживания. Концентрация деятельности в ограниченных точках или ареалах пространства, обладающих наивысшими потенциалами роста, присущая урбанизации (в противоположность относительно равномерному сельскохозяйственному расселению) резко поляризует территорию в социально-экономическом отношении, создавая тем самым дополнительные стимулы для миграции. Благодаря огромной территории и незначительному по отношению к ней населению расселение даже в старосвоенной части России из сплошного превратилось в пятнистое, а густки урбанизированного расселения разделены демографическими пустынями либо очень слабо заселенными территориями.

4. Урбанизация взорвала традиционную оседлость, привела к резкому повышению социальной и миграционной мобильности населения. В начале века только 1 из 6-7 жителей страны жил не там, где родился, а теперь это каждый второй.

5. Процесс стягивания населения в зоны крупных городов и агломераций в России близок к завершению, скорее всего, урбанизированное расселение окончательно сформируется в течение ближайших двух 10-летий, и таким образом, весь урбанизационный переход займет примерно век с четвертью. Тем самым, наконец, создаются условия для обеспечения равнодоступности социальных благ, которыми располагает общество, для всего населения. Следовательно, урбанистическая концентрация деятельности и населения не только объективный, но и глубоко прогрессивный процесс, резко улучшающий условия жизни всего населения и наполняющий саму жизнь более богатым содержанием.

6. Однако в целом процесс урбанизации в России еще далеко не окончен. Это, прежде всего, касается формирования городского образа жизни и городского человека. В силу своей молодости городское население страны несет на себе явственно выраженную печать маргинальности. Живучесть рудиментов сельского образа жизни поддерживалась значительными волнами сельских миграций, которые замещали городское население, бежавшее от револю-

ции, высланное в лагеря ГУЛАГа, погибшее на войне, не вернувшееся из эвакуации и т.п.

7. XX век завершился кризисом урбанизации, спровоцированным распадом СССР и глубоким экономическим спадом. Ярким свидетельством кризиса был поворот вспять миграционных потоков - в сторону села. Однако инверсия городского тренда продолжалась недолго, города быстро восстановили свою притягательную силу. В целом в период 90-х наблюдалось продолжение прежних тенденций, но в замедленном темпе. Кризис 90-х во многом напоминал кризис 20-х, так что можно говорить о типологических проявлениях кризиса.

8. Современное развитие урбанизации носит противоречивый характер. Параллельно с процессом стагнации урбанизация получила стимулы развития, связанные с рыночным переходом. Первые же шаги к рынку ускорили поляризацию территории и городов страны в отношении условий и перспектив роста, повернули миграционные потоки в сторону наиболее обжитых и благоприятных для жизни районов, четко обозначили зоны роста. Резко усилившееся тяготение населения к наиболее обжитым и комфортным районам, которое мы наблюдаем сейчас, - не конъюнктурное явление, не просто реакция на экономическую депрессию, но запоздавшее проявление перехода от экстенсивному к интенсивному освоению пространства. Реформы ответственны лишь за то, что этот поворот стал столь стремительным и болезненным. Последнее десятилетие обозначило переход к сжатию и уплотнению освоенного пространства, более эффективному его использованию, открывая путь к следующей фазе модернизации. Миграция сыграла роль яркого маркера в происходящих переменах. Наряду с этим возникли и новые проблемы. Возможно, одна из наиболее острых из них - дефицит собственных демографических ресурсов для освоения всей территории страны и неизбежность масштабной иммиграции.

Е.М. Андреев, Т.Л. Харьковская

Незавершенность демографического перехода и демографические потери России

Эпидемиологический переход, будучи общемировым процессом и в то же время составной частью модернизации любого общества, развернулся в XX в. и в России. Он принес явные успехи в охране здоровья населения, которые долгое время воспринимались как одно из наиболее бесспорных достижений советской модернизации. За XX век продолжительность жизни населения России удвоилась.

В основе первого эпидемиологического перехода лежала борьба «против» - против болезней инфекционной этиологии и других экзогенных причин. Эпидемиологический переход советского времени ускорил выход из эпидемиологического кризиса (кризиса отставания), который сложился в конце XIX в. в России. Это потребовало больших экономических усилий, создания мощной системы здравоохранения, борьбы с инфекционными заболеваниями путем улучшения санитарных условий, повышения гигиенической культуры, массовой вакцинации населения, резкого увеличения числа врачей и среднего медицинского персонала, строительства больниц и т. д. Все эти меры оказались весьма эффективными, принесли впечатляющие результаты, в полном смысле слова заставили отступить болезни и смерть. В то же время, успехи в борьбе с экзогенной смертностью были достигнуты в значительной мере путем успешного лечения, а не профилактики болезней. Именно поэтому основное снижение смертности произошло в послевоенный период, когда в медицинскую практику были внедрены антибиотики и сульфаниламиды. Почти все достигнутые успехи строились на заимствовании западных технологических подходов, и с этой точки зрения Россия была значительно ближе к развивающимся, чем к развитым странам.

Модернизация стоила России огромных людских потерь. За первую половину века Россия пережила две мировые и гражданскую войны, три массовых голода и перманентные политические репрессии. Огромные людские потери сами по себе противоречат общему смыслу модернизации смертности. За первую половину XX века (1904-1953 гг.) Россия потеряла примерно 31 млн. человек в результате катастрофических повышений смертности населения или 0,6 млн. смертей в год. Общее число смертей за 1904-1953 гг. составляет примерно 146 млн. и 21 процент, почти каждая пятая, - избыточные смерти.

Во второй половине прошедшего столетия казалось, что ситуация изменилась принципиально. отошли в прошлое голод, массовые репрессии и кровопролитные войны. Однако Россия оказалась не готовой и не способной следовать по пути модернизации смертности. С середины 1960-х в России начался устойчивый рост уровня смертности, прежде всего, от болезней системы кровообращения и несчастных случаев. Замедление снижения смертности, и некоторый ее рост наблюдался в 50-60-х годах во многих экономически развитых странах мира.

В западных странах тревожные изменения в смертности вызвали адекватную общественную реакцию - требования ужесточить охрану окружающей

среды, защиту от несчастных случаев, усилить индивидуальную профилактику болезней и пропаганду здорового образа жизни. Положительный эффект соответствующих мер сказался уже в середине 70-х годов, когда возобновилось устойчивое снижение смертности. Правительство СССР в ответ на негативные тенденции смертности прекратило публикацию каких-либо показателей, кроме общих коэффициентов смертности. На основе этого показателя, в массовой печати, медицинской литературе и даже Советской энциклопедии насаждался миф о том, что уровень смертности в СССР ниже, чем развитых странах.

Расчеты показывают, что если бы с середины 60-х годов эволюция смертности в России шла также, как в странах Запада¹, пусть даже со сложившемся к этому моменту примерно 5-10 летним отставанием, то при прочих равных условиях численность населения России к 2001 г. была бы 14,4 млн. человек или на 10% больше фактической. Из 55,3 млн. зарегистрированных смертей 14,2 млн. составляют избыточные смерти. Почти каждая четвертая смерть в период была избыточной. Если отдельно рассмотреть смертность мужчин, то избыточной была каждая третья смерть. 48% избыточных смертей произошли от болезней системы кровообращения и еще 45% - от несчастных случаев.

Не следует преувеличивать роль в людских потерях последнего, постсоветского десятилетия. Хотя, понятно, чем дальше начальная точка (1965 г.), тем больше различие смертности в России и в странах Запада. Потрясающий многих подъем смертности 1992-1994 гг. есть прямое следствие ее снижения в период антиалкогольной кампании. Если бы уровень смертности в России вообще не менялся с начала 80-х, т.е. не было бы ни спада смертности 1985-1987 гг. ни ее подъема, то суммарное фактическое число умерших в 1979-1999 годах оказывается лишь на 0,8 процента больше чем расчетное число.

Полезно напомнить, что негативные тенденции смертности второй половины прошлого столетия были типичны не только для России, но для всех европейских республик бывшего СССР и, в меньшей мере, для всех стран бывшего коммунистического лагеря. По мнению экспертов, сегодня лишь в Польше и Чехии динамика смертности не вызывает опасений.

Можно согласиться с мнением, что Россия была технологически не готова следовать путем второго эпидемиологического перехода и недостаточна богата для создания мощной индустрии охраны здоровья. Хотя и того и другого хватило для создания военного паритета с США. Возможно, власти добросовестно заблуждались, и именно создание паритета рассматривалось как первейшая забота о жизни и здоровье населения. Но скорей всего работал другой механизм. Ведь политические репрессии были экономически оправданы, они давали дешевую и послушную рабочую силу для великих строек, шахт, рудников и даже конструкторских бюро. Военные победы достигались ценой огромных неоправданных людских потерь. «Экономить» людей было вовсе не главным в советской идеологии.

И тут уместно вспомнить, что второй эпидемиологический переход «экономически не целесообразен». В самом деле - сегодня на 100 человек рабочего возраста приходится 34 пенсионера, а при успешном снижении смертности - приходилось бы 42. Введенный в 1929 г. «классовый подход» к органи-

1 В качестве модели взята динамика возрастной смертности в 15 странах Европейского Союза, США и Японии суммарно за 1960-1995 гг.

зации медицинской помощи так и не был до конца отменен и после того, как в СССР была провозглашена «диктатура всего народа». Медицина оставалась фактором подъема производительности труда, и роста общественного производства.

Взгляд на современное западное общество позволяет предположить, что второй эпидемиологический переход – это борьба не «против», а «за» – борьба за продление и сохранение всякой человеческой жизни. В эту гипотезу укладываются многие факты, не совсем понятные российскому обывателю: и забота о жизни детей-инвалидов и постепенная отмена смертной казни. К такой заботе о каждой человеческой жизни российское общество, чья память отягощена миллионными людскими потерями эпохи строительства коммунизма, пока не готово...

Б.Б. Прохоров

Здоровье населения в зеркале модернизации

В общественном здоровье населения России в конце XIX в. и в течение XX в. происходило снижение заболеваемости наиболее опасными инфекционными заболеваниями, на смену которым пришли болезни пожилого и старческого возраста и «болезни технического прогресса». Результаты сравнения качества здоровья населения России на различных этапах ее исторического развития за последние 100 лет показывают тесную зависимость качества общественного здоровья от темпов и характера модернизации.

Россия в XIX в. была сугубо крестьянской страной, с отсталой экономикой, с очень слабой организацией медицинской помощи населению. Общественное здоровье характеризовалось высокой заболеваемостью и высокой смертностью, особенно детской. Сверхвысокая смертность была связана, в первую очередь, с эпидемиями острозаразных болезней (брюшного, сыпного, возвратного тифов, натуральной оспы, холеры, дизентерии). Были широко распространены сифилис, трахома, туберкулез, малярия, возникали вспышки чумы. С 1891 г. по 1914 г. в 50 губерниях России от инфекционных болезней умерло 2,35 млн. человек. В период с 1902 по 1911 г. в России заболели холерой 321,6 тыс. человек и умерли от холеры 155,3 тыс. человек. В 1913 г. чумой заболело 423 человека из них умер 421 человек. На 100 тыс. населения было зарегистрировано: брюшного тифа – 266 случаев; сыпного тифа – 74; дизентерии – 314; дифтерии – 314; кори – 326; малярии – 2208 случаев. Натуральной оспой в этом году заболело 66 тыс. человек. Больных проказой насчитывалось около 4 тыс. Смертность от инфекционных заболеваний в России была значительно выше, чем в странах Западной Европы.

Согласно медицинской статистике, среди основных групп болезней и причин смерти отсутствовали сердечно-сосудистые заболевания и был низок удельный вес новообразований. Дело в том, что подавляющее большинство населения не доживало до того возраста, когда появляются эти болезни.

Первая мировая война, революция, Гражданская война, голод 1921-1922 гг. привели к очень высокой смертности от дистрофии и инфекционных заболеваний. Начало 1930-ых годов в Советском Союзе характеризуются экономическими трудностями, низким уровнем санитарной культуры населения, интенсивной миграцией из деревень в города, скоплением больших масс людей на

стройках в самых сложных бытовых условиях. В 1931-32 гг. была зарегистрирована наибольшая заболеваемость брюшным тифом и паратифами. В эти же годы отмечена эпидемия натуральной оспы и вспышка дифтерии.

В результате усилий по развитию санитарно-эпидемиологической службы 1932-33 гг. были последними годами обширных эпидемий в России. 19 февраля 1927 г. вышло постановление СНК РСФСР «О санитарных органах республики». Согласно постановлению повсеместно устанавливался текущий и предупредительный санитарный контроль, улучшилась специализация санитарной службы и пр. В конце 20-х гг. в стране появились учреждения нового типа – санитарно-эпидемиологические станции – форпосты борьбы с инфекционными и паразитарными болезнями, организуемые центры по оздоровлению окружающей среды. Существенно расширилась подготовка санитарных кадров. В учебный план медицинских факультетов были введены социальная гигиена, гигиена труда и гигиена воспитания.

В конце 1930-х годов смертность от инфекционных заболеваний перестает доминировать среди всех причин смерти. В стране было практически покончено с натуральной оспой, эпидемическим возвратным тифом, резко снизилась заболеваемость сыпным тифом. Начала снижаться заболеваемость брюшным тифом. Серьезной проблемой оставался туберкулез, кишечные инфекции, инфекционные заболевания детского возраста. Конец 1930-х гг. можно считать периодом завершения *первой эпидемиологической революции* в России. Здесь она началась позднее, чем в большинстве западных стран, и развивалась в крайне противоречивых условиях.

После преодоления последствий Великой Отечественной войны, голода 1947 г. и послевоенной разрухи к началу 1960-х годов были достигнуты заметные успехи в деятельности медицинских служб и повышении качества здоровья населения. По сравнению с началом века более чем в два раза выросла продолжительность жизни, сократилась младенческая смертность. Но определенный прогресс во всех сферах жизни закончился периодом, получившим в народе название застоя. После 1964 г. увеличивается смертность населения. При этом происходит изменение ее структуры. Стандартизованный коэффициент смертности мужчин от всех причин за двадцатилетний период (1965-1984) увеличился на 27,6%, а смертность от инфекционных и паразитарных заболеваний снизилась вдвое.

На фоне снижения смертности от инфекционных болезней почти на 50% выросла смертность от болезней системы кровообращения. В 1965 г. соотношение величины смертности от инфекционных заболеваний к болезням системы кровообращения составляло 1:9,3, а в 1984 г. это отношение было уже 1:30,5. При постоянном росте смертности мужчин от всех причин в 1965-1984 гг. доля смертности от болезней системы кровообращения все время увеличивается. В 1965 г. болезни сердечно-сосудистой системы были причиной 44% смертей мужчин, а в 1984 г. от них умирало 51,7% всех мужчин. Роста смертность и от несчастных случаев, отравлений и травм. Смертность от этих причин за 20 лет выросла на 58%. Рассматриваемый период характеризуется нарастанием уровня алкоголизма и алкогольных психозов, а также ростом числа наркоманов и токсикоманов.

В середине 70-х гг. стали быстро ухудшаться общие показатели, характеризующие состояние общественного здоровья. Началась судорожная бюрократическая деятельность в попытках переломить ситуацию. 5 июля 1968 г.

было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране». В сентябре 1977 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения». Были приняты правительственные постановления «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» (1981), «О мерах по дальнейшему усилению помощи семьям, имеющим детей» (1981), «О мерах по дальнейшему улучшению социального обеспечения населения» (1981) и др. В августе 1982 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О дополнительных мерах по улучшению охраны здоровья населения». Усиление административно-командных методов, бюрократизация управления здравоохранением не достигли поставленной цели. В последующие десятилетия, вплоть до сегодняшнего дня общественное здоровье в России не только не улучшалось, а даже ухудшалось.

Попытка модернизировать модель социально-экономического развития страны привела к социальному стрессу, что естественно отразилось на здоровье населения. В 1992-1994 гг. все показатели уровня общественного здоровья резко ухудшились. В 1994 г. по сравнению с 1989 г. выросло количество самоубийств, убийств, число смертей от психических расстройств было в 4,6 раза больше, смертность от сердечно-сосудистых заболеваний была на 40% выше. В 1995-1996 гг. отмечается снижение смертности от болезни системы кровообращения, в том числе от инфаркта миокарда, а также от травм и отравлений.

Небольшие положительные подвижки, произошедшие в 1995-1997 гг. в ожидаемой продолжительности жизни и в снижении смертности от некоторых причин, нельзя было расценивать как начало устойчивого изменения санологической ситуации в лучшую сторону. Уже тогда было совершенно очевидно, что очередной политический или экономический кризис может резко ухудшить санологическую ситуацию. Экономический кризис 1998 г. подтвердил это предположение. В последние месяцы 1998 г. и в 1999 г. последовал новый подъем смертности, который был особенно заметен у мужчин. Несчастные случаи, отравления, травмы занимают большое место в общей заболеваемости. Смертность от внешних причин стремительно росла с 1989 до 1994 г. Затем произошло некоторое снижение, а с 1998 г. она начала вновь повышаться.

Свыше 70% населения России живет в состоянии затяжного психоэмоционального и социального стресса, вызывающего рост депрессий, реактивных психозов, тяжелых неврозов и психо-соматических расстройств, целого ряда внутренних заболеваний, психических срывов, алкоголизма и наркоманий, антисоциальных вспышек у индивидуумов, повышает опасность неадекватных массовых разрушительных реакций и взрывов у населения.

Среди инфекционных заболеваний особую угрозу представляют ВИЧ-инфекция, вирусные гепатиты, особенно В, С, Е, туберкулез.

Санитарное состояние и степень люмпенизации населения характеризует число завшивленных. В 1999 г. педикулез зарегистрирован у 237 тыс. человек.

Сокращение младенческой смертности в России - главный триумф демографической модернизации

За XX век младенческая смертность в России снизилась почти в 20 раз (с 303 на 1000 новорожденных в 1896-97 гг. до 15,3 в 2000г.). В начале прошлого века уровень России существенно превышал соответствующие показатели в развитых странах (1,5 - 3 раза).

Российские социал-гигиенисты и врачи связывали чрезвычайно высокую младенческую смертность во многом с особенностями вскармливания грудных детей в православных семьях, что приводило к высокой смертности младенцев от желудочно-кишечной инфекции. Другим фактором - была неразвитость системы родовспоможения, что приводило также и к высокой материнской смертности. В России отсутствовало законодательство об охране материнства и детства, существовавшее во многих европейских странах.

Данные статистики свидетельствуют, что в конце XIX - начале XX века коэффициент младенческой смертности последовательно снижался и достиг 271 в 1908-1910 гг. Однако показатель существенно вырос в годы первой мировой и гражданской войны. Основное снижение младенческой смертности произошло в 1920-ые годы в результате:

- принятия и реализации законодательных актов и декретов об охране материнства и детства, вводивших, прежде всего отпуска по беременности и родам для работающих женщин;
- развития системы родовспоможения и медицинской помощи матери и ребенку;
- создания инфраструктуры ухода за детьми (молочные кухни, ясли);
- проведения санитарно-просветительской работы как составной части культурной революции в России.

К 1927 году коэффициент младенческой смертности в России снизился до 205‰. Однако с началом индустриализации и коллективизации, свертыванием НЭПа снижение младенческой смертности приостановилось. До середины 30-х годов уровень младенческой смертности в России увеличивался. В результате уровень 1940 года совпадает с концом 1920-х годов. Хотя нельзя не отметить успехи в борьбе с так называемой «врожденной слабостью», желудочно-кишечными заболеваниями и болезнями органов дыхания в этот период.

Принципиальное снижение уровня младенческой смертности в России произошло к концу второй мировой войны в результате внедрения в медицинскую практику антибиотиков и сульфаниламидов. Это привело к сокращению младенческой смертности от болезней органов дыхания, большинства инфекционных болезней и к началу 1950-х годов уровень младенческой смертности снизился почти в 2 раза по сравнению с 1940 г. Повлияло на это снижение и развитие системы здравоохранения и рост экономического благосостояния населения в послевоенный период.

К началу 60-х годов, в результате снижения младенческой смертности, ее уровень почти сравнялся с уровнем в части стран ЕС. Таким образом, с позиций младенческой смертности первый эпидемиологический переход в России завершился только к началу 60-х, причем, основные успехи были достигнуты за относительно короткий, послевоенный, период времени.

Период с 1970-х годов характеризуется медленной тенденцией к снижению младенческой смертности в России (при этом внутри периода были разнонаправленные изменения). В результате, к концу XX века уровень младенческой смертности в России снова был в 2-5 раз выше, чем в развитых странах мира, то есть относительное отставание выше, чем в начале века.

Этот разрыв связан, с одной стороны, с сохранением относительно высокой постнеонатальной смертности, связанной с болезнями органов дыхания, хотя он и последовательно снижался практически на протяжении всего периода. Но главное отличие, все-таки, связано с уровнем неонатальной смертности, в основном в первые 7 дней жизни, от причин, характерных только для этого периода и врожденных аномалий.

Сегодня в России уровень неонатальной смертности примерно такой же, каким был в начале 70-х годов. В то время как в развитых странах уровень неонатальной смертности снизился в 2-4 раза за этот период. Это снижение было одной из составных частей второго эпидемиологического перехода. Снижение младенческой смертности, было основано на эффективных системах профилактики патологии беременности и выхаживания новорожденного и общем развитии системы здравоохранения в стране.

Насколько можно судить по данным о младенческой смертности и ее составляющих российская система здравоохранения, в части касающейся матери и ребенка, как минимум на 30-40 лет отстает от стран ЕС, США, Японии, даже если не принимать во внимание, что государственная статистика основана реально на устаревшем определении живорождения.

Таким образом, главный триумф демографической модернизации в России далеко не столь последователен, как хотелось бы.

Д. Д. Богоявленский

Смертность от внешних причин в России в XX веке.

Обоснование и цель исследования. Современный уровень смертности от внешних причин (в дальнейшем СВП - около 200 на 100 тыс. населения) в России, вероятно, один из самых высоких среди развитых стран (в мире в среднем около 100, развитые страны - менее 70 на 100 тыс. населения). Однако, в длительной исторической ретроспективе так было не всегда - судя по отрывочным сведениям в России начала XX века среди всех причин смерти доля СВП была меньше, чем в западноевропейских странах невелика. Хотя теория эпидемиологического перехода предполагает рост НС, но нынешний российский уровень слишком высок и, по-видимому, не имеет аналогов. Целью нашего исследования было изучение динамики уровня смертности от ВП, ее места и доли во всей смертности и ее структуры по отдельным внешним причинам в процессе модернизации России в XX веке.

Данные и методология. Использовались полные поло-возрастные данные о всей СВП и от смертности отдельных внешних причин за последние четыре десятилетия (с 1956 г.), основанные на официальных сведениях Госкомстата, в том числе и подготовленные Школьниковым (Школьников и др., 1996) Для периода начала 1930-х - середины 1950-х такие же данные, но только для городского населения (в отчеты не включались смерти от репрессий

и военные потери). Для конца XIX - первого десятилетия XX века оценки основанные на сведениях о СВП Центрального Статистического Комитета и Управления Главного Врачебного Инспектора МВД. Были определена основная динамика СВП, ее возрастно-половое распределение. Оценены влияние СВП на продолжительность жизни и потери от нее в годах потенциальной жизни. Рассмотрено также современное географическое распределение СВП в целом и по некоторым главным причинам.

Главные результаты. СВП в России достоверно росла во все мирные годы уже прошедшего века. (За исключением межвоенного двадцатилетия; но тогда она была высока, учитывая смерти от репрессий, а в военные годы - максимальна - от боевых потерь. Оценку такого рода смертности мы не проводили).

К концу века СВП представляет одну из главных причин смерти. Внешние причины ответственны за каждую седьмую смерть (в начале века - за каждую семидесятую) и делят второе-третье ранговое место с новообразованиями. Гипотетическое увеличение средней продолжительности жизни мужчин от ликвидации СВП составляет 5 лет, от ликвидации болезни системы кровообращения - 7 лет, новообразований - 2 года. (У женщин - 1,5-2 года, 7 лет, и свыше 2 лет соответственно). В потерях потенциальной жизни до возраста 65 лет доля потерь от СВП составляла в последнее десятилетие XX века 40-45% (в 1960-х - 30%).

Динамика СВП последних полутора десятилетий, хотя и демонстрирует уникальные колебания, но в целом продолжает долговременные тенденции, наметившиеся много раньше (по крайней мере, в 1960-х).

Заключение. Необычайный, для развитых стран, рост и уровень СВП в России, может быть понят в контексте искусственно ускоренной, но до сих пор не законченной модернизации общества.

С.В. Захаров

Рождаемость в России: первый и второй демографический переход

Что мы понимаем под модернизацией рождаемости?

Все изменения в российской рождаемости, произошедшие за последние сто лет, часто сводят к снижению ее уровня. Действительно, Россия познала грандиозные сдвиги - падение итоговой рождаемости составило 4,5 - 6,3 раза в зависимости от способа оценки: с 7,5 живорождений, приходящихся на одну условную среднестатистическую женщину за всю ее жизнь в конце 19 века до 1,2 ребенка - в конце 20 века; с 7,2 детей в расчете на одну женщину, родившуюся в конце 1860-х гг., до 1,6 ребенка в расчете на одну женщину реальных когорт конца 1960-х гг.. Столь многократное сокращение рождаемости уже само по себе является ярким индикатором радикальных и быстрых изменений в семье, обществе и государстве, свершившихся на протяжении жизни всего трех-четырех демографических поколений россиян (длина демографического поколения составляет около 30 лет).

С одной стороны, снижение рождаемости было исторически неизбежным ответом на общую и последовательную модернизацию общества во всех сферах, с другой - переход от высокой рождаемости к низкой привел к иным темпам изменения численности населения, к принципиальной трансформации демографического баланса между поколениями (количественного соотношения

между возрастными группами детей, родителей и прародителей), что, в свою очередь, инициирует и ускоряет соответствующие социально-экономические и политические перемены. Именно снижение рождаемости до нынешнего беспрецедентно низкого уровня составляет центральный момент современного демографического вызова социально-экономическим системам в развитых странах.

Однако, отдавая дань важности чисто количественной стороне дела, нужно помнить, что за приведенными выше цифрами среднего числа детей скрываются принципиально различные исторические типы организации демографического воспроизводства, различные социальные механизмы, действующие в демографической сфере. Иначе говоря, смена количественной модели рождаемости обязательно предполагает изменения в системе социально-демографических отношений между членами общества, задающих количественные параметры деторождения. Важно знать не только уровень рождаемости на различных этапах эволюции, но и каким способом он достигается в каждом конкретном случае, почему в данный момент он таков, а не другой.

Изучение исторического типа социокультурных регуляторов демографического поведения (норм, ценностей, предписаний, верований), действующих как на уровне социума, так и на семейно-индивидуальном уровне (система принятия решений и способы контроля над плодovitостью), дает ответ на следующие принципиальные вопросы: какова устойчивость и каковы границы допустимой вариабельности параметров рождаемости в той или иной социокультурной среде. Изучение трансформации социально-демографических отношений между людьми в процессе перехода от одного исторически устойчивого типа рождаемости к другому дает ключ к пониманию необходимости и направленности настоящих и будущих изменений модели рождаемости.

Таким образом, под историческим процессом модернизации рождаемости мы понимаем не только процесс перехода от одной количественной модели рождаемости к другой, но и трансформацию исторически конкретной системы социокультурных регуляторов рождаемости, действующих в обществе. Если коротко сформулировать суть модернизации рождаемости в такой плоскости, то она сводится к процессу перехода от системы преимущественно социальной формы контроля, соответствующей иерархической структуре традиционного общества и максимально отчужденной от индивида, к индивидуально-семейной форме контроля, при которой решение о рождении ребенка преимущественно принимается исходя из индивидуального понимания наилучшей стратегии достижения благополучия в условиях быстро меняющегося общества.

Качественными критериями модернизационных изменений выступают: а) степень разделенности трех видов поведения: сексуального, матримониального и репродуктивного (в традиционном обществе – единый монолит, в современном обществе – автономные, каждое из которых направлено на достижение самостоятельных ценностей); б) эффективность индивидуального контроля над плодovitостью, позволяющая иметь желанного ребенка в желательные сроки.

Первый демографический переход

Снижение рождаемости в России началось с более высокого уровня и позднее, чем в большинстве развитых стран. Запоздывание от европейских стран составляет в среднем 30-40 лет, а от Франции почти столетие. Первоначальным толчком к снижению рождаемости послужила великая «эмансипация» и аграрная реформа в России, инициированные по указу «сверху» в 1861 г. Па-

дение рождаемости шло с рекордными для Европы темпами - примерно за 70 лет Россия преодолела отставание, завершив в целом переход к низкой рождаемости (2 ребенка на одну женщину) одновременно с другими развитыми странами - к середине 1960-х гг. Первые поколения с постпереходным уровнем рождаемости – это женщины, родившиеся во второй половине 1920-х и в 1930-е гг.).

В качестве критерия завершенности переходных процессов применительно к количественным характеристикам рождаемости мы предлагаем три критерия: а) близость показателей итоговой рождаемости в реальных и условных поколениях (табл. 1); б) близость показателей итоговой рождаемости в «материнских» и «дочерних» поколениях (табл. 2); в) достижение слабоасимметричного статистического распределения женщин по числу рожденных детей к возрасту 50 лет с модой, равной 2 детям на одну женщину (табл. 3).

Снижение рождаемости реальных поколений в России практически на всем протяжении перехода было монотонным. Некоторое нарушение этой монотонности можно обнаружить только в когортах 1890-1895 гг. рождения. Напротив, показатели рождаемости для условных поколений (традиционный коэффициент суммарной рождаемости) демонстрировали высокую колеблемость на фоне общего тренда к снижению. Колебания показателей для условных поколений, вызванные специфическими особенностями тех или иных календарных лет: катастрофические изменения социально-экономической среды и/или вмешательство государства в демографическую сферу, отражают, в первую очередь, сильные сдвиги в календаре рождений. Резкие спады и последующие не менее резкие компенсационные подъемы конъюнктурных показателей хорошо характеризуют мгновенные изменения темпов формирования семей, но маскируют генеральную тенденцию эволюции рождаемости. В России на протяжении 20 века можно насчитать четыре случая отклонения коэффициента суммарной рождаемости от тренда: три под воздействием катастрофических обстоятельств и один в результате семейной политики государства.

Переход к низкой рождаемости в России, по нашему мнению, был в значительной степени ускорен непрерывной цепочкой социальных катаклизмов, сопровождавших ускоренную модернизацию общества. Дело не столько в том, что во время кризисов падал жизненный уровень населения, сколько в том, что в эти периоды приобретался массовый опыт индивидуального контроля над рождаемостью. Репродуктивное поведение партнеров постоянно адаптировалось к меняющейся действительности. Необходимость частых изменений календаря рождений и браков вызывала к жизни специфические инструментальные методы и способы регулирования рождаемости. К сожалению, в России это вылилось в массовое распространение абортной практики. Закон 1936 г., запрещающий искусственный аборт по желанию женщины, был во многом наивной попыткой тоталитарного государства переломить тенденцию к снижению рождаемости, «подправить» демографическую ситуацию после кризиса, вызванного «коллективизацией». Его эффект в повышении конъюнктурных показателей (числа родившихся, коэффициента суммарной рождаемости) в 1937 г. мы оцениваем не более, чем в 8%. В последующие годы эффект запрета, естественно, был еще ниже. В терминах итоговой рождаемости реальных поколений роль этого фактора, видимо, нулевая, сводимая к подвижкам в календаре рождений у части женщин, застигнутых новым обстоятельством врасплох.

Активность государства в стремлении «подправить» демографическую ситуацию в постпереходные, 1980-е годы оказалась также неэффективной и имела скорее отрицательные, чем положительные демографические последствия. Обоснование этой точки зрения я уже многократно приводил в различных работах. Со мной солидаризируются многие специалисты.

Второй демографический переход

Главное содержание второго демографического перехода состоит в переходе от практики ограничения размеров потомства к оптимизации всего временного пространства демографических событий и жизненного цикла в целом в ответ на вхождение общества в постиндустриальную фазу развития.

Под вторым демографическим переходом некоторые специалисты понимают простой переход от господствующей сегодня модели двухдетной семьи к модели семьи с одним ребенком (или даже к массовой бездетности). Такая трактовка новейших тенденций не только упрощает ситуацию, но может оказаться и просто ошибочной в долгосрочной перспективе.

В действительности мы сегодня плохо представляем ту идеальную количественную модель семьи и рождаемости, которая станет преобладающей у будущих поколений. Но что мы уже знаем наверняка, так это то, что формирование семьи и рождение потомства будет происходить все в меньшей степени под воздействием изменений макроэкономических и социально-политических параметров среды, не зависящих от индивида. В своем демографическом поведении человек будет руководствоваться, вероятнее всего, нематериалистическими ценностями, «настраивая» индивидуальный календарь демографических событий на изменение конкретных и многообразных жизненных обстоятельств.

Переход в новую фазу эволюции рождаемости в странах Запада начался в конце 60-х – начале 70-х гг. в точном соответствии с началом нового этапа общественного развития. Россия, как и страны бывшего Восточного блока, вступили на путь второго демографического перехода на два-три десятилетия позже и, естественно, находятся в самом начале этого процесса.

На уровне демографических индикаторов второй демографический переход проявляет себя в виде роста среднего возраста заключения брака и материнства, увеличения интервалов между родами, повышения роли рождаемости вне официального брака, увеличения доли людей, никогда не вступавших в зарегистрированный брак и не имевших ни одного ребенка. Традиционная слитность трех видов поведения: сексуального, матримониального и репродуктивного окончательно уходит в прошлое.

Инструментальной основой нового этапа контроля над плодотворностью было массовое распространение системы эффективных методов планирования семьи, позволяющей индивиду свободно распределять репродуктивные события во времени. Буквально на наших глазах контрацептивная революция, пройдя несколько этапов, перерастает в планомерный процесс внедрения в практику планирования семьи все новых и новых достижений в области высоких технологий. Напомним, что планирование семьи не сводится только к контрацептивной защите, оно связано с регулированием индивидуальной плодотворности как таковой, в том числе и с помощью генных технологий.

Новейшие тенденции в эволюции рождаемости, которые мы трактуем как начало второго демографического перехода, в России обнаруживаются с

середины 1990-х гг. Какими же демографическими индикаторами-предикторами будущих долговременных изменений мы руководствуемся, делая этот вывод:

- быстрое снижение рождаемости в самых молодых возрастных группах;
- откладывание рождения первенца в реальных поколениях (табл. 4);
- быстрый рост возраста вступления в первый брак;
- сильное сокращение числа аборт на фоне падения рождаемости в возрасте до 25 лет;
- возрастание вклада старших возрастных групп матерей в итоговую рождаемость (табл. 5);
- уменьшение роли «вынужденных» браков, стимулированных добрачными зачатиями.

Таблица.1. Итоговая рождаемость реальных и условных поколений в России* (женские поколения 1841-1970 гг. рождения, календарные годы - 1896-2000)

Годы рождения женщин	Итоговая рождаемость реальных поколений	Календарные годы**	Итоговая рождаемость условных поколений
1866-1870	7,20	1896-1900	7,30
1871-1875	6,96	1901-1905	7,12
1876-1880	6,85	1906-1910	7,17
1881-1885	6,20	1911-1915	6,30
1886-1890	5,49	1916-1920	5,23
1891-1895	5,50	1921-1925	6,16
1896-1900	5,23	1926-1930	6,38
1901-1905	4,59	1931-1935	4,51
1906-1910	3,66	1936-1940	4,74
1911-1915	2,82	1941-1945	2,60
1916-1920	2,46	1946-1950	2,89
1921-1925	2,25	1951-1955	2,86
1926-1930	2,20	1956-1960	2,67
1931-1935	2,15	1961-1965	2,33
1936-1940	2,01	1966-1970	2,03
1941-1945	1,91	1971-1975	2,01
1946-1950	1,85	1976-1980	1,93
1951-1955	1,89	1981-1985	2,02
1956-1960	1,87	1986-1990	2,08
1961-1965	1,71	1991-1995	1,48
1966-1970	1,56	1996-2000	1,23

*Итоговая рождаемость для реальных поколений рассчитана автором, для условных поколений – Андреевым Е.М., Дарским Л.Е., Харьковской Т.Л.

** Календарные годы соответствуют годам достижению возраста 30 лет когортами, указанными в левой части таблицы.

Годы рождения		Итоговая рождаемость		Отношение рождаемости в когортах «дочерей» и в когортах «матерей»
Когорт «матерей»	Когорт «дочерей»	Когорт «матерей»	Когорт «дочерей»	
1841-1845	1871-1875	6,84	6,96	1,017
1846-1850	1876-1880	6,90	6,85	0,993
1851-1855	1881-1885	7,08	6,20	0,876
1856-1860	1886-1890	7,11	5,49	0,772
1861-1865	1891-1895	7,12	5,50	0,772
1866-1870	1896-1900	7,20	5,23	0,726
1871-1875	1901-1905	6,96	4,59	0,659
1876-1880	1906-1910	6,85	3,66	0,534
1881-1885	1911-1915	6,20	2,82	0,455
1886-1890	1916-1920	5,49	2,46	0,448
1891-1895	1921-1925	5,50	2,25	0,409
1896-1900	1926-1930	5,23	2,20	0,421
1901-1905	1931-1935	4,59	2,15	0,468
1906-1910	1936-1940	3,66	2,01	0,549
1911-1915	1941-1945	2,82	1,91	0,677
1916-1920	1946-1950	2,46	1,85	0,752
1921-1925	1951-1955	2,25	1,89	0,840
1926-1930	1956-1960	2,20	1,87*	0,850*
1931-1935	1961-1965	2,15	1,71*	0,795*
1936-1940	1966-1970	2,01	1,56*	0,776*

*Предварительная оценка.

Таблица 3. Распределение женщин по числу рожденных детей к возрасту 50 лет, женские поколения 1868 - 1968 гг. рождения (в процентах)

Годы рождения женщин	Ни одного ребенка	Одного ребенка	Двоих детей	Троих детей	Четвертых детей	Пятерых детей	Шестерых детей	Семь и более детей
До 1875	5,0	2,5	2,9	4,8	6,5	8,2	9,3	60,8
1874-1878	5,3	3,1	3,2	5,9	7,3	10,2	10,1	54,9
1879-1883	5,5	3,8	5,0	7,1	8,1	11,6	10,5	48,4
1884-1888	6,0	4,4	6,3	8,1	9,1	12,1	10,6	43,4
1889-1893	6,5	5,5	8,7	9,8	10,0	12,3	10,7	36,5
1894-1898	6,8	6,5	9,3	10,0	11,1	12,1	10,3	33,9
1899-1903	7,7	8,0	11,6	12,2	12,3	11,2	9,5	27,5
1904-1908	9,4	11,5	15,0	15,0	12,6	10,5	8,2	17,8
1909-1913	11,3	17,3	21,4	17,1	11,4	8,1	4,8	8,6
1914-1918	12,5	21,0	24,2	16,5	9,7	6,3	3,7	6,1
1919-1923	14,1	23,7	27,3	15,5	8,0	4,9	2,6	3,9
1924-1928	11,8	22,5	32,4	16,4	7,4	4,3	2,1	3,1
1929-1933	9,5	23,2	37,5	15,8	6,2	3,6	1,7	2,5
1934-1938	8,0	26,0	42,1	13,8	4,4	2,7	1,2	1,8
1939-1943	7,9	27,3	43,4	12,9	3,7	2,3	1,0	1,5
1944-1948	8,1	29,9	45,1	11,0	2,7	1,5	0,6	1,1
1949-1953	7,1	27,7	47,9	12,3	2,6	1,4	0,5	0,5
1954-1958*	6,7	26,5	48,6	13,5	2,6	1,3	0,4	0,4
1959-1963*	7,5	29,0	49,3	10,5	2,1	1,2	0,2	0,2
1964-1968*	8,5	37,0	43,8	8,0	1,5	1,0	0,1	0,2

*Предварительная оценка.

Таблица 4. Доля женщин, родивших не менее одного ребенка к указанным возрастам. Россия, поколения женщин 1954-1976 г. рождения

Год рождения поколения	К 20 годам	К 25 годам	К 30 годам
1954	24,9	75,3	88,1
1956	25,2	75,3	88,3
1958	25,3	74,9	88,3
1960	25,3	75,1	88,5
1962	25,4	75,0	87,8
1964	26,4	75,8	87,5
1966	27,7	76,0	86,8
1968	29,6	75,9	87,0
1970	31,2	74,3	85,9*
1972	30,4	69,0	82,7*
1974	28,4	65,9*	
1976	25,6	62,6*	

*Предварительная оценка.

Таблица 5. Вклад возрастных групп матерей в итоговую (суммарную) рождаемость. Россия, 1980, 1990-2000 (в процентах)

Год	Возраст матери					Итого
	15-19	20-24	25-29	30-34	35 и старше	
1980	11,6	41,9	26,7	13,8	6,0	100,0
1990	14,7	41,5	24,7	12,8	6,2	100,0
1991	15,8	42,3	24,0	12,0	6,0	100,0
1992	16,6	43,2	23,4	11,3	5,6	100,0
1993	17,3	43,5	23,5	10,7	5,1	100,0
1994	17,8	43,0	24,0	10,6	4,6	100,0
1995	17,0	42,2	25,0	11,1	4,8	100,0
1996	15,5	41,5	26,0	11,8	5,1	100,0
1997	14,7	40,2	26,9	12,8	5,3	100,0
1998	13,7	39,9	27,4	13,5	5,5	100,0
1999	12,6	39,8	27,8	14,0	5,8	100,0
2000	11,6	39,3	28,3	14,8	6,0	100,0

Типы брачности и рождаемости в развитых странах

1. Число стран с уровнем рождаемости, недостаточным для полного замещения поколений, выросло с 13 в 1970 году до 66 в 2002 году. Общая численность населения этих стран достигла 46 процентов человечества.

2. Уровни низкой рождаемости неодинаковы. Воспроизводство населения при уровне рождаемости в два ребенка на женщину в США коренным образом отличается от демографической динамики в Восточной и Южной Европе и Восточной Азии, где уровень рождаемости почти вдвое ниже. Более тонкие различия тоже существенны. Так, в России каждые 0,1 ребенка в терминах суммарного коэффициента рождаемости при условии его постоянства будут стоить трех миллионов человек в населении 2025 г.

3. Различия уровней рождаемости в индустриальных странах связаны с типами брачного и репродуктивного поведения, сложившегося в 6 выделенных нами регионах. Эти регионы примерно совпадают с используемой в ООН географической классификацией.

4. В последние десятилетия XX века в индустриальных странах семья претерпела глубокие изменения. Расширяется выбор вариантов поведения. Супружество более не обязательно предполагает совместное проживание. Совместное проживание возможно без заключения брака. Деторождение далеко не всегда происходит в браке. На место стандартной последовательности событий в индивидуальных биографиях приходит разнообразие. Распространились разводы.

5. Однако глубина этих изменений различна. Распространенность консенсуальных союзов и частота расторжений зарегистрированных браков велики в Западной и Северной Европе и в США. В Южной Европе и Восточной Азии разводы редки, брак остается единственной социально приемлемой формой супружества. Если судить о модернизации брачного поведения по суммарному коэффициенту брачности, то Восточная Европа уже догнала Запад. Частота разводов в Восточной Европе уже много десятилетий не отличается от западно- и северо-европейского уровней, в то время как возраст вступления в брак, в отличие от стран Запада, остается низким. Консенсуальные браки редки, однако происходит быстрая дифференциация стран.

6. Развитые регионы можно классифицировать по четырем параметрам брачности, наиболее близко связанным с репродуктивным поведением: возраст вступления в первый брак, доля состоящих в браке, разводимость и распространенность консенсуальных союзов. Реально существуют 4 из 16 возможных типов брачного поведения. В США низкий возраст вступления в брак и высокий уровень брачности в принципе способствуют рождаемости, а распространенность консенсуальных союзов частично компенсирует высокую разводимость. На другой стороне спектра находятся Южная Европа и Южная Азия, где три параметра из четырех оказывают негативное влияние на рождаемость.

7. Снижение рождаемости примерно до среднего уровня в два ребенка на женщину было связано главным образом с сокращением частоты рождений высоких порядков – третьего и выше. На следующем этапе снижения рождаемости – ниже ее среднего уровня в два ребенка на женщину сокращение частоты рождений первых и вторых детей стало преобладающим фактором падения общего уровня рождаемости. Однако регионы различаются по интенсивности этих процессов.

8. Сложилась различная профили низкой рождаемости. Для Испании (Южная Европа), России (Восточная Европа) и Японии (Восточная Азия) свойственны особенно низкая рождаемость третьей и последующих очередностей (0,1-0,2 ребенка на женщину), коэффициент вторых рождений находится в интервале 0,4-0,5, а первых рождений – в интервале 0,6-0,7. В Финляндии (Северная Европа) и Нидерландах (Западная Европа) все эти три коэффициента на 0,1-0,2 выше. США характеризуются еще большими величинами этих показателей, причем коэффициент рождаемости второй очередности почти вдвое, а третьей и последующих очередностей – в пять раз выше, чем в Испании и России.

9. Особое значение имеют уровни и тенденции бездетности. В поколениях конца 1950-х годов бездетными остались четверть женщин в Германии, около 20 % в Великобритании и США. В тех же поколениях бездетными остались около 10 % француженок, итальянок, испанок. Уровень бездетности еще ниже в Восточной Европе и Восточной Азии. Скорректированные на «откладывание» суммарные коэффициенты первых рождений свидетельствуют, что уровень бездетности растет и в ныне рождающих поколениях в Восточной Европе составит, вероятно, от 5% в Болгарии до 15% в России. В Западной и Северной Европе бездетность стабилизируется на уровне примерно 20%, а в Восточной Азии и Южной Европе бездетными могут остаться 25-30 % женщин.

10. Типы рождаемости в развитых странах могут быть классифицированы по четырем параметрам: возрасту при рождении первого ребенка, доле внебрачных рождений, уровню бездетности и доле рождений высоких порядков. 6 регионов образуют 4 типа репродуктивного поведения. С учетом Франции, которая низким уровнем бездетности отличается от других западноевропейских стран, типов оказывается 5. Типы рождаемости связаны с ее различными уровнями и похоже, что тип рождаемости определяет уровень рождаемости.

11. В США низкий возраст при рождении первого ребенка сочетается с высокой долей внебрачных рождений и высокой долей женщин с тремя и более детьми. Это сочетание компенсирует высокий уровень бездетности и поддерживает рождаемость на близком к воспроизводству уровню. Во Франции множество многодетных семей в сочетании с низким уровнем бездетности и высоким уровнем внебрачной рождаемости поддерживают рождаемость на сравнительно высоком уровне в 1,8 ребенка на женщину, хотя деторождение начинается поздно. Общим фактором чрезвычайно низкого (1,2) уровня рождаемости в Восточной Европе, Южной Европе и Восточной Азии является редкость многодетных семей. Особенно велика роль этого фактора в Восточной Европе, где его влияние перевешивает редкость бездетности и раннее деторождение. Вместе с тем сочетание всех четырех параметров рождаемости особенно неблагоприятно для ее уровня в Южной Европе и Восточной Азии: в этих регионах женщины рожают первого ребенка поздно, внебрачная рождаемость практически отсутствует, многие остаются бездетными, а большие семьи редки.

Е.И. Иванова

Трансформация брачности в России в XX веке: основные этапы

1 этап. Дореволюционный период. На рубеже 19 и 20 веков для населения большей части России было характерно раннее вступление в брак и состояние в браке практически всех мужчин и женщин к возрасту 50 лет. Однако

уже в этот период в России началась ломка патриархальных устоев, существовавшей веками системы традиций, ценностей и норм поведения, которая затронула и бракоразводные отношения. Доминировавшая традиционная модель брачного поведения постепенно, начиная с западных регионов, замещалась новой моделью, для которой были характерны более позднее вступление в первый брак и значительная доля холостых мужчин и незамужних женщин. В патриархальной России развод рассматривался православной церковью как тяжчайший грех и разрешался только в исключительных случаях. Поэтому разводы вплоть до 1914 г. были большой редкостью. Тем не менее, по мере изменения общественных условий, постепенной эмансипации женщин, уже в дореволюционное время менялись взгляды на ценности супружества, отношение к разводу.

2 этап. 1917-1930-е годы. Естественный ход эволюции процесса формирования семьи был нарушен Октябрьской революцией. В послереволюционной России изменения традиционных брачно-семейных отношений были форсированы идеологическими построениями новой власти и происходили в кратчайшие сроки. Первым шагом на пути разрушения традиционной семьи была секуляризация брака. За непродолжительный период было принято несколько брачно-семейных кодексов, закреплявших отделение брака от церкви, признание только гражданского брака, зарегистрированного или незарегистрированного. Проводимые властью преобразования семьи особенно ярко проявились в поведении молодежи, вызвали падение престижа брака и рост добровольного безбрачия.

Изменения, произошедшие в отношении к браку, способствовали снижению доли населения, состоящего в браке. Однако большое значение в снижении доли состоящих в браке женщин имели многочисленные потери мужчин в годы военных действий.

Период 30-х годов является уникальным в истории брачно-семейных отношений в России. За десять лет были разрушены все основы традиционной семьи, в корне изменено отношение к разводу: к 1935 году по сравнению с 1913 годом число разводов возросло в 68 раз. Это был настоящий «взрыв» разводимости. Последствия «свободы» в брачно-семейных отношениях проявились уже через несколько лет. В стране стала быстро снижаться рождаемость, возросло число искусственных абортов, беспризорность детей приобрела невиданные размеры. Советская власть была встревожена столь революционным развитием ее социального эксперимента и вскоре начала проводить политику последовательного отказа от свободы брака. При этом начали восстанавливаться основные функции семьи как хозяйственно-потребительской ячейки общества.

3 этап. Середина 1930-х – начало 40-х годов. Во второй половине тридцатых годов проблема брачно-семейных отношений получила принципиально новое идеологическое истолкование. Проблема свободы выбора формы брачных отношений была снята и подменена проблемой семейного долга. Первым шагом было Постановление 1936 года, вторым - Указ 1944 года. Регистрации брака придавалось значение средства оказания культурно-воспитательного воздействия на укрепление в семье «социалистических принципов». Принятые меры привели к усилению стабильности брака. Тем не менее, КСБ в этот период снижался, а *средний возраст вступления в первый брак* имел тенденцию к повышению.

4 этап. 1940-50-е годы. За годы войны число зарегистрированных браков упало более, чем в 2 раза. Сразу после окончания войны, после демо-

билизации, а также вследствие введения Указа 1944 г., начался резкий подъем уровня брачности. Однако повышение происходило в условиях огромного дисбаланса полов и поэтому носило непродолжительный характер, и уже к 1947 г. наступил спад КСБ. Фактор послевоенной диспропорции перестал влиять на число заключаемых браков только к концу 50-х годов, когда подавляющее большинство женихов на брачном рынке составляли мужские поколения, не участвовавшие в войне. После войны средний возраст вступления в первый брак несколько снизился в результате всплеска брачности в 1946-47 гг. К 1950 г. он возрос, и с 1955 года показатель начал постепенно снижаться, вплоть до середины 90-х годов.

До 1957 года число разводов было в несколько раз ниже абсолютных значений, характерных для середины 30-х годов, средняя продолжительность брака при разводе неуклонно росла. С конца 50-х годов до начала 60-х годов отмечался медленный, но устойчивый рост числа разводов, и уже в 1960 г. они превышали уровень 1936 г. При этом, длительность брака при разводе стала сокращаться.

5 этап. 1960-1980-е годы. Снижение КСБ в начале 60-х годов было связано с влиянием демографических волн: численность женщин бракоспособного возраста определялась поколением, родившимся в годы войны, когда рождаемость резко упала, и вследствие этого на брачном рынке отмечался дефицит молодых невест. К 1964 г. достигли совершеннолетия девушки, родившиеся в период послевоенного компенсационного повышения рождаемости. Это улучшение на брачном рынке привело к существенному повышению показателей брачности.

В 1960-е годы, после долгого перерыва, восстановились социологические и демографические исследования брака и семьи. Некоторые специалисты продолжали исследования брачно-семейных отношений с позиций дальнейшего укрепления социалистической семьи, в рамках такой трактовки осуждали добрачные половые отношения, разводы, повторные браки. Однако возникли и новые направления изучения данной проблемы: в частности, анализ либерализации взглядов на брак и семью, сопутствовавшей периоду хрущевской «оттепели», формирования различных жизненных ориентаций у населения.

С 1970 г. по 1984 г. происходило стабильное снижение коэффициента суммарной брачности, особенно заметным оно было у мужчин, у женщин отмечалась стабилизация показателя. Колебания уровня рождаемости в прошлом оказывали меньшее влияние на формирование брачных когорт, в отличие от двух предшествующих десятилетий.

В этот же период продолжались исследования факторов отхода от традиционных брачно-семейных норм, отношений к добрачным отношениям, показавшие, что в стране происходит постепенная демократизация социальных норм, регулирующих взаимоотношение полов.

После принятия Постановления об изменении порядка расторжения брака в 1965 г., значительно упростившего процедуру развода, абсолютные и относительные показатели разводимости резко возросли. К 1970 г. показатели интенсивности разводов несколько сократились, что объяснялось предшествовавшим «бумом» в 1966-67 гг., затем вновь продолжили свой рост. Второй послевоенный пик разводов отмечался в 1979-80 гг. Средняя длительность брака при этом возросла до 10 лет и достигла большего значения за 50 лет.

Усиление мер демографической политики в 1982 г., направленных на повышение рождаемости, на некоторый период времени приостановило рост

показателей интенсивности разводимости. Снижение продолжалось до конца 80-х годов. Однако с конца 80- гг. показатели вновь начали возрастать.

6 этап. Последнее десятилетие XX века. За период между переписью 1989 г. и микропереписью 1994 г. продолжилось сокращение доли населения, состоящего в браке, практически во всех возрастах. Показатели брачности катастрофически быстро начали снижаться. Причины этого состояли не только в необходимости адаптации населения к кардинальным социально-экономическим изменениям, и вследствие этого, откладыванию браков. Наряду с доминированием эгалитарной формы семьи, в предшествующее десятилетие все большее признание получали незарегистрированные браки. При этом сроки начала фактического брака все чаще не совпадали с его юридической регистрацией. В 90-е годы указанные тенденции не только продолжались, но и усилились, что вызвало быстрое снижение абсолютных и относительных значений регистрируемых браков.

Доля добрачных зачатий и, как следствие, доля «вынужденных» браков в 90-е годы оставалась на высоком уровне и состояла в основном из матерей молодых и самых молодых возрастов. Последнее продолжало оставаться важным (если не единственным) фактором омоложения брачности среди женщин.

Новый семейный кодекс РФ 1996 г. внес ряд существенных изменений в процессы заключения и расторжения брака. Изменения в законодательстве должны были способствовать увеличению числа браков, в том числе, и в самых молодых возрастах. Тем не менее, показатели брачности продолжали снижаться, и концу века сократилось до минимального за весь послевоенный период уровня.

На фоне быстрого снижения брачности абсолютные и относительные показатели разводимости изменялись в разном направлении. С конца 80- гг. до 1994 г. показатели разводимости устойчиво возрастали, и в 1994 г. были достигнуты их рекордные за всю историю процесса значения. Изменения в Новом семейном кодексе 1996 г. упростили процедуру развода. Однако дальнейшего роста интенсивности разводов не произошло, напротив, число разводов снизилось за 1995 - 1998 гг. на 36 %. В дальнейшем, наблюдалась стабилизация показателя на низком уровне. При этом снижение показателей разводимости сопровождалось дальнейшим снижением показателей брачности.

Высоким показателям разводимости в последнее десятилетие 20 века противостоял рост числа повторных браков. Их доля в общем числе браков росла устойчивыми темпами с 1980 г., достигнув первого максимального значения в 1988 г. В 1986-1989 гг. рост доли повторных браков отражал заметное оживление процесса брачности, характерное для этого периода: коэффициент суммарной брачности находился на одном из самых высоких уровней за весь послевоенный период, в то время как показатели разводимости стабилизировались на относительно невысоком уровне.

Второй максимум за послевоенный период был достигнут в середине 90-х годов. В этот период, в условиях быстрого роста разводимости, повторные браки играли уже другую, компенсирующую роль.

В 1998-1999 гг. доля повторных браков начала снижаться, что отражало тенденцию к сокращению регистрации как браков, так и разводов.

Можно ли обойтись без планирования семьи?

1. На протяжении всего советского периода Россия занимала одно из первых мест в мире по уровню искусственных аборт. Это «лидерство» сохраняется и по сей день, несмотря на то, что ситуация в стране кардинально изменилась. Возникает вопрос, почему среди всех методов регулирования рождаемости такое весомое и устойчивое место занимает прерывание нежелательной беременности, а не ее предотвращение, и когда были заложены основы так называемой «абортной культуры».

2. Вплоть до 1-ой мировой войны сознательное регулирование рождаемости не имело широкого распространения среди крестьянского населения России. Тем не менее, в городах в начале XX века заметно увеличиваться число «искусственных выкидышей». Косвенным подтверждением этого может служить увеличение числа женщин, поступающих в больницы с осложнениями после нелегального аборта, достигшее, например, 20-30 процентов от всех пациентов родильных отделений некоторых больниц Москвы и Санкт-Петербурга перед 1-й мировой войной.

Проблема все больше привлекала внимание общественности, в том числе под влиянием острой дискуссии по поводу абортов в Западных странах. Вопрос о «выкидыше» и его негативных последствиях для здоровья женщины ставился на научных конференциях и съездах (на секции акушерства и женских болезней 3-го (1889 г.) и 12-го (1913 г.) съездов Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова, на 4-м съезде Общества Российских акушеров и гинекологов (1911 г.), на заседании Русской группы Международного союза криминалистов (1914 г.)), обсуждался в печати. Звучали разные мнения, большинство врачей признали неэффективность репрессивных мер и высказались за необходимость отмены уголовного преследования за аборт. При этом подчеркивалась важность мер, которые могли бы препятствовать распространению стремления женщин ограничить рождаемость; среди них главная роль отводилась повышению благосостояния и культурного уровня населения.

3. Решение о легализации аборта, принятое в ноябре 1920 г., было логическим завершением дискуссии, начатой в дореволюционной России, воплощением в жизнь идей передовой общественности. На заре большевистской власти свобода делать аборт рассматривалась в контексте расширения общей свободы человека, особенно женщины, как средство борьбы с патриархальными представлениями о семье и браке, подрыва авторитета церкви и вытеснения религии из повседневной жизни. Действия властей строились на предположении, что в результате «укрепления социалистического строя», повышения уровня жизни, культуры, агитации против абортов, охраны материнства и младенчества практика прерывания беременности постепенно исчезнет. Поэтому развитию контрацепции не придавалось должного значения.

На деле число регистрируемых абортов из года в год росло, приходилось резко увеличивать число коек в больницах, из-за недостатка средств было разрешено производить платные аборты в государственных больницах. То есть была налажена система производства абортов, тогда как и научная база, и необходимая инфраструктура для развития контрацепции были развиты слабо.

Одновременно в начале 1930-х гг. стало заметным снижение рождаемости. Если в 1924 г. в Москве на одно рождение приходилось 0,3 аборта, то в 1934 г. - около 3-х абортов. Вероятно, опасаясь сокращения численности насе-

ления, власти сначала предприняли ряд мер по уменьшению доступности аборта, а в 1936 г. приняли решение о его запрете.

3. Фактически, постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. "О запрещении абортов, ..." означало в определенном смысле попытку возврата к традиционным ценностям и нормам в отношении семьи. В таких условиях, естественно, была свернута работа по пропаганде и развитию контрацепции, начавшаяся в сер. 1920-х гг. (хотя противозачаточные средства и не были запрещены).

Однако факторы, способствующие ограничению рождаемости, оказались сильнее пронаталистских мер партии и правительства. Очень быстро наладилась индустрия нелегального аборта, получил распространение «само-аборт». В числе зарегистрированных абортов в целом по России аборт по медицинским показаниям (разрешенный законом) составлял около 10%, остальная часть - аборты, начатые или начавшиеся вне лечебного учреждения. Но участники незаконного производства абортов выявлялись слабо. Например, в Москве в первом квартале 1938 г. только в 4,2% случаев зарегистрированных неполных абортов было установлено, что они начаты искусственно и в 2,8% случаев дела были переданы прокурору (РГАЭ, ф. 1562, о. 1, д. 1063). Хотя в отдельных регионах соответствующие органы проявляли большее усердие.

Последствиями введения законодательного запрета на аборт стало увеличение материнской смертности и числа детоубийств. В 1940 г. в городах России было зафиксировано более 2 тыс. случаев смерти от аборта, а материнская смертность составила почти 4 тыс. случаев, или 329 на 100 тыс. родившихся (для сравнения: в 2000 г. в городах России - 34,6 на 100 тыс. родившихся). Удельный вес аборта среди причин материнской смертности в городах вырос с 26% в 1935 г. до 51% в 1940 г., в 1950-1955 гг. он составлял порядка 70%.

4. Не добившись ожидаемых результатов, власти вынуждены были в 1955 г. отменить запрет на аборты. Их число стало быстро расти, отчасти вследствие выявления абортов, бывших ранее нелегальными.

Руководство здравоохранением неоднократно «выражало обеспокоенность» такой ситуацией и провозглашало программу борьбы с абортами. Эти программы содержали перечень разумных и адекватных мероприятий, таких как санитарно-просветительная работа, обеспечение населения противозачаточными средствами, развитие контрацепции. Но, как зачастую было в Советском Союзе, благие решения выполнялись лишь частично, а иногда вообще оставались на бумаге. Тем более что власти, в той или иной форме, но явным образом, обозначали свою пронаталистическую позицию, а развитие планирования семьи вступало с ней в противоречие.

Сыграла свою роль и изоляция СССР от остального мира, в частности, от достижений в области медицины. Хорошо известна негативная позиция Минздрава СССР по отношению к гормональной контрацепции, тогда как в Западных странах ее использование росло быстрыми темпами, проводились широкие научные исследования по ее совершенствованию.

Очень долго и трудно в стране приходило понимание того, что снижение рождаемости - объективный процесс и что не следует противопоставлять рождаемость абортам (как ограничению рождаемости). В результате недооценивалась важность развития службы планирования семьи, которая к тому же требовала значительных материальных затрат. Советская модель регулирования рождаемости характеризовалась доступностью и широким распространением искусственного аборта, низким качеством его производства и, как следствие,

большим количеством осложнений, отсутствием информации о современных средствах контрацепции, их нехваткой и низким уровнем применения.

5. В 1990-е гг., вместе со всей страной, существенно изменилась и ситуация в области планирования семьи. Сыграли свою роль возникновение рынка контрацептивов и активная деятельность фармацевтических фирм. Образованы частные структуры, предоставляющие услуги по планированию семьи, то есть, ликвидирована монополия Минздрава. Возникли неправительственные организации, ставящие перед собой задачи защиты репродуктивных прав населения. Разрушилась информационная изоляция страны, в том числе и в этой сфере. Существенную финансовую помощь в преодолении «пути от абортов к контрацепции» оказывают международные организации, правительственные и частные зарубежные фонды (чем, правда, обеспокоены некоторые политические силы).

На волне демократических преобразований в 1993 г. была принята Федеральная целевая программа «Планирование семьи», имевшая статус Президентской. В результате в 90-е гг. впервые была создана основа службы планирования семьи в стране. Программой предусматривалось создание и внедрение специальных программ полового образования и воспитания подростков. В 1994 г. Россия взяла на себя обязательство обеспечения репродуктивных прав для своих граждан, подписав «Программу действий» Международной конференции по народонаселению и развитию в Каире.

1990-е годы отмечены резким снижением уровня абортов в России. За период с 1990 г. по 2000 г. как абсолютное число учтенных абортов, так и число абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста сократилось вдвое. Если сравнить среднее число беременностей, приходящееся на 1 женщину репродуктивного возраста,² в 1959 и в 1999 гг., то за 40 лет оно снизилось в два раза; также в два раза снизилось и число абортов³ в среднем на одну женщину (с 3.88 до 1.95). Следует отметить, однако, что удельный вес абортов в общем числе беременностей остается высоким (более 60%).

Принимаемые меры по расширению репродуктивных прав встретили сопротивление определенной части общества. Кампания против программы «Планирование семьи» была поддержана Государственной Думой, и в 1998 г. ее финансирование было исключено из государственного бюджета как самостоятельный пункт. Законопроект «О репродуктивных правах» не дошел до второго обсуждения. Непоследовательную позицию занимают Минздрав и Минобразования РФ.

Можно сказать, что ситуация в области регулирования рождаемости в России сегодня переживает переломный момент. Будет ли население и дальше переходить к более цивилизованному типу внутрисемейного регулирования рождаемости, когда планируются не рождения, а беременности, а сознательно и ответственно к сексуальному поведению (даже вопреки позиции властей), является ли этот процесс необратимым, - покажет время.

² рассчитанное на основе возрастных коэффициентов рождаемости и абортов.

³ Учтенных в системе Минздрава.

Этнокультурные факторы рождаемости

1. Демография, как наука, некогда несправедливо включенная в группу «экономических» наук и сведенная, по сути, до демографической статистики, призвана изучать главным образом два социально-биологических явления: рождаемость и смертность. Важнейшим из них, несомненно, является рождаемость. Показательно, что в настоящее время, в условиях демографической катастрофы в России, как бы мы не старались уменьшить сравнительно высокую ныне смертность, при сохранении господствующей установки брачных пар на однодетную семью, вымирание населения с сокращением его численности вдвое при каждой смене поколений будет продолжаться.

2. Изучение проблем рождаемости, в отличие от смертности, опирается не в здравоохранение с его прямой зависимостью от экономики, а в психологию детопроизводства, которую наши видные демографы, видимо, знают плохо, так как не смогли предвидеть демографическую катастрофу, развернувшуюся в середине 1990-х гг., хотя признаки ее отчетливо проступили еще на 10-15 лет раньше. Не хотелось бы думать, что и наша конференция нацелена всего лишь на «модернизацию» вымирания.

3. Психология детопроизводства, в том числе установка на детность, как и другие жизненно важные психологические установки, определяется прежде всего, культурой общества, укладом жизни людей, изучением которого, к сожалению, не всегда демографически направленно, занимаются этнографы (этнологи). В последнее столетие культура в своем развитии («модернизации») обнаружила склонность к суицидным явлениям. Снижение детопроизводства до уровня вымирания популяции – это всего лишь одно из проявлений такой общественной патологии; о суицидных тенденциях неустанно твердят, например, и экологи. Поэтому, к изучению таких процессов следует привлечь не только психологов, но и психиатров.

4. Анализируя демографическую катастрофу в России, некоторые авторы уделяют особое внимание вымиранию русских, но это объясняется всего лишь жизненно важным значением русских в России. Этнические факторы рождаемости связаны с религиозными и чаще всего отступают перед ними на задний план. Некоторые религии (например, индуизм и ислам) даже способны противостоять негативным сторонам «модернизации» культуры. Не исключено, что и русским людям на пороге своей гибели удастся выработать какое-то виталистское учение, сходное с религиозным.

О перспективах демографической политики

Разработанная под эгидой Минтруда РФ и одобренная Правительством Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. (Распоряжение № 1270-р от 24.09.2001 г.) вряд ли сможет повлиять на изменение ситуации в лучшую сторону без серьезного перераспределения ресурсов в пользу социальной сферы.

В то же время в условиях кризисного экономического и демографического развития как никогда важно грамотно и полно учесть все особенности сложившейся ситуации в выработке стратегии стабилизации и экономического

роста. Так, в частности, необходимы постоянный мониторинг существенных изменений в численности отдельных демографических сегментов, их учет в экономической и социальной политике. Особенно важен такой учет (демографическая экспертиза) при выработке стратегии и тактики реформ: в сфере образования, пенсионной, военной и т.д.

Никакими «волшебными» мерами и законами улучшить демографическую ситуацию принципиально не удастся, по крайней мере, в ближайшие годы. Рождаемость будет ниже смертности, и будет продолжаться сокращение численности населения, масштабы которого будут зависеть от притока мигрантов в Россию.

Сегодняшний крайне низкий уровень рождаемости - результат откладывания рождения детей или отказа от их рождения. Переход от массовой 2-детной семьи к массовой 1-детной семье означает, что поколение детей будет почти вдвое меньше поколения родителей. Закрепление социальной нормы 1-детности в массовом сознании может привести к необратимости процесса сокращения рождаемости, а следовательно и численности населения. Пока еще потребность во втором ребенке и представление о 2-детной семье как идеальной и желательной сохраняются, но условия для реализации этой потребности ухудшились кардинальным образом. **Один ребенок - вот максимум, который может позволить себе сегодня семья не только с низкими, но и со средними доходами.**

Продолжающийся рост численности молодежи в возрасте 20-25 лет создает в ближайшие годы благоприятный демографический фон для роста числа молодых браков, а, следовательно, и для увеличения рождения первых детей, а в перспективе, с лагом в несколько лет, и вторых детей. Возможности реализовать этот демографический потенциал будут зависеть от социально-экономических условий, от семейной и демографической политики.

В соответствии с «Основными направлениями государственной семейной политики» (утверждены Указом Президента РФ 14 мая 1996 г., №712) было предусмотрено «дальнейшее развитие системы семейных пособий, охватывающей поддержкой все семьи с детьми; поэтапное увеличение доли расходов на семейные пособия, включая пособия по беременности и родам и по уходу за детьми в возрасте до полутора лет) в валовом внутреннем продукте до 2,2 процентов (пункт III-ж).

В то же время все расходы консолидированного бюджета РФ (федеральный бюджет + бюджеты субъектов РФ) на социальную политику составили в 2000 г. 127,9 млрд. руб. (при ВВП = 7063,4 млрд. руб.), что составило лишь 1,81 % от ВВП (в 1998 г. 64,5 млрд.руб, но при этом - 2,39% к ВВП). Расходы же на семейные пособия составили в 2000 г. лишь 26,3 млрд.руб. (20,5% от всех расходов на социальную политику) или 0,37% от ВВП (в 6 раз меньше норматива, предполагавшего затраты в 2,2% от ВВП).

Размер ежемесячного пособия на ребенка, составлявший в 2001 г. 70 руб., не покрывал к концу года и 5% прожиточного минимума ребенка, при этом задолженность по выплате детских пособий за прошлые годы составила на конец 2001 г. около 18 млрд. рублей.

Эти факты говорят о том, что государство не выполняет свои обязательства по экономической поддержке семей с детьми.

Конечно, ежемесячные пособия на детей, которые сегодня составляют 70 руб. (и то, только для детей в семьях с доходом ниже прожиточного минимума), кардинально не решают проблемы доходов, но сам факт наличия и сохранения государственной системы поддержки семей с детьми очень важен для российского менталитета - менталитета людей, выросших в социальном государстве и, по новой Конституции, продолжающих себя числить гражданами социального государства, которое провозгласило заботу о семье в качестве одного из главных государственных приоритетов.

Необходимо еще раз вернуться к уточнению концепции и направлений семейной политики, обеспечить развитие демографической политики в целом с учетом сложившихся и перспективных тенденций демографической динамики.

На наш взгляд, принципиально важно, чтобы политика в области рождаемости включала в себя,

во-первых, комплекс минимальных социальных стандартов (гарантий), обеспечивающих всему населению понятную, доступную и реально обеспеченную систему гарантий, реализуемых при рождении и воспитании детей;

во-вторых, меры адресной социальной поддержки семей с детьми в трудных обстоятельствах;

в-третьих, специальные меры, которые могли бы стимулировать рождение 2-го и 3-го ребенка (без чего невозможно воспроизводство населения).

Расширение экономических мер помощи семье - ключевое направление политики в области рождаемости, ибо ухудшение материального положения семьи (низкие доходы и плохие жилищные условия) сказывается на всех основных сторонах жизнедеятельности семьи: на репродуктивном поведении, на здоровье членов семьи, на стабильности семьи. Главная задача - кардинальное снижение масштабов бедности.

При этом остается весьма сложной проблема определения критериев выделения групп семей, имеющих право на определенные виды адресной социальной помощи (например, среднедушевой доход, тип семьи и т.д.).

Мы предлагаем следующие перспективные меры активизации государственной демографической политики и увеличения поддержки семьи с детьми на федеральном уровне:

1. Увеличение реальных налоговых льгот семьям с детьми, освобождение от налогообложения суммы, равной прожиточному минимуму на каждого ребенка. В настоящее время от налогообложения каждому из работающих родителей освобождается по 300 руб. на ребенка, т.е. при двух работающих родителях - 600 руб. в сумме, что дает семье при 13% ставке налога выигрыш в 78 руб. в месяц (936 р. в год.). (Причем эта мера распространяется не на все доходы, а на то число месяцев, пока суммарный доход не превысит 20 тыс. рублей).

При этом можно вообще отказаться от начисления и выплаты ежемесячного (70-рублевого) пособия на детей (экономия на затратах на функционирование соответствующих отделов служб социальной защиты населения). Выиграют - работающие и регулярно получающие зарплату, причем эта мера усилит мотивацию к труду (например, можно дополнительно ввести стимул - освобождается от налога 10% зарплат, но не менее прожиточного минимума на ребенка. Другими словами при зарплате более 8500 в месяц льгота (освобождение от налогообложения) составит не 850 р., а соответственно больше.

Проиграют – наиболее низкооплачиваемые и те, чья зарплата выплачивается крайне нерегулярно. Сегодняшнее 70-рублевое пособие (по крайней мере в 2001 г. выплачивалось регулярно).

Можно также предоставить семьям право выбора – пособие или налоговая льгота.

2. Кредиты для приобретения жилья и улучшения жилищных условий, частичное погашение кредитов при рождении детей. Схема погашения может иметь стимулирующую направленность, например, при рождении 1-го ребенка 20% непогашенной части кредита, при рождении 2-го ребенка 40% непогашенной части кредита, при рождении 3-го ребенка - оставшаяся непогашенная часть кредита. Цена вопроса будет зависеть от стоимости жилья (дифференциация по городам достаточно большая) и количества семей, которые воспользуются правом на кредит.

3. Расширение системы пособий семьям с детьми. В конце декабря 2001 г. Президент Российской Федерации подписал Закон об увеличении пособий, выплачиваемых за счет Фонда социального страхования, в частности единовременного пособия при рождении с 1500 руб. в 3 раза до 4500 рублей.⁵ Это потребует дополнительно около 3,9 млрд. руб. (в расчете на 1,3 млн. родившихся). Увеличиваются с 200 до 500 руб. в месяц (в 2,5 раза) и пособия по уходу за ребенком до полутора лет. На это потребуется около 7,2 млрд. рублей.

Но самым затратным видом поддержки остается ежемесячное пособие, которое пока не увеличено. Распространение права на ежемесячное пособие на всех детей (а не только на детей в бедных семьях) потребует дополнительно 7-8 млрд. руб. в год. Если увеличивать ежемесячное пособие вдвое - с 70 до 140 руб., то потребуется дополнительно еще около 22 млрд. руб. в год., если сохранять практику адресного назначения пособий и около 37 млрд. руб., если выплачивать такое пособие на всех детей, без учета доходов. При этом надо принимать во внимание 2 обстоятельства:

Необходимость погашения задолженности по детским пособиям за прошлые годы (ок. 18 млрд. руб.).

Численность детей в ближайшие годы будет ежегодно уменьшаться ежегодно на 1-1,2 млн. чел. за счет чисто демографического фактора – превышения числа достигающих возраста 18 лет над числом новорожденных в текущем году и ближайшие годы. Это ежегодно будет уменьшать необходимую сумму расходов на пособия на 0,8 – 1 млрд. рублей (при 70-рублевом пособии в месяц) и на 1,6-2,0 млрд. рублей при 140 рублевом пособии в месяц.

Меры прямой экономической поддержки семей с детьми на федеральном уровне, целесообразно дополнить на региональном уровне, за счет местных бюджетов мерами прямой и косвенной поддержки (скидки семьям с детьми в оплате жилья и дошкольных учреждений; транспортные льготы на детей; организация полноценного питания детей (бесплатное детское питание для детей до 2-х лет, завтраки и обеды в школе); бесплатная витаминизация детей (комплекс витаминов с учетом возраста детей); помощь в организации оздоровительного отдыха детей и т.п.

⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 28 декабря 2001 г. № 181-ФЗ // "Российская газета" от 30 декабря 2001 г., № 255 (2867).

Эффективность экономических мер прямой и косвенной поддержки семей с детьми будет во многом определяться не только развитием собственно мер демографической и семейной политики, но и состоянием более общих условий, социальной политики в целом.

Б.Н. Миронов

Общество и частная жизнь в России в зеркале семейных отношений от
Алексея Михайловича до Владимира Владимировича

В XV–XVII вв. в России сложился специфический патриархально-авторитарный семейный строй. Преобладающей формой семейной организации являлась сложная семья, в которой домочадцы были лишены голоса при решении дел, имели крайне ограниченные права на семейное имущество, беспрекословно подчинялись главе дома, женщины были исключены из общественной жизни, до некоторой степени изолированы от мужского общества и образовывали как бы особый мир внутри домохозяйства, сельских и городских корпораций. Женщины были даже изолированы в пространстве, занимая особую часть дома у высшего класса (терем) и определенную часть одной комнаты, в которой жила вся семья, – в домах крестьян и горожан. Некоторые исследователи связывают это с татарским влиянием, так как в мусульманских обществах женщины занимают приниженное положение относительно мужчин и отделяются от них социально, и именно после утверждения господства монголов на Руси социальный статус женщин понизился, они перестали участвовать в общественной жизни и утратили прежние имущественные права. Однако пока данная точка зрения является гипотезой, требующей проверки.

В течение XVIII–XX вв. во всех социальных группах российского общества формы семейной организации и характер отношений в семье изменялись. Среди крестьянства в течение всего императорского периода важное значение имела сложная семья. Малая семья как главная и единственная форма организации жизни пришла в город лишь к концу XIX в. и только среди дворянства и интеллигенции она превалировала. Вплоть до Великих реформ 1860–х гг. в семьях всех сословий преобладали патриархально-авторитарные отношения, так как они строились на доминировании мужчин над женщинами и главы семьи над всеми домочадцами, на иерархизме, строгом разделении ролей по половозрастному признаку, приоритете общих семейных интересов над индивидуальными, включенности семей в соответствующие сословные корпорации, которые вмешивались во семейные отношения. Крепостнический характер социальных отношений и политический абсолютизм в государстве в значительной мере обуславливались господством патриархальной семьи, потому что она воспитывала авторитарные личности, которые являлись (становились) благодатной социальной базой для политического абсолютизма и крепостничества со всеми вытекающими из этого экономическими и социальными последствиями. Не случайно патриархальную семью исследователи называют также семьей монархического типа.

В пореформенное время наблюдалась гуманизация семейных отношений: уменьшалось насилие над слабыми в семье, устанавливался контроль со стороны общества и суда за соблюдением интересов женщин и детей. Среди высшего и среднего класса прогресс был большим, среди крестьян и городских низов – меньшим. Дворянство и интеллигенция были пионерами перехода от патриархальных к демократическим семьям и от авторитарных к демократическим отношениям. Однако сильные пережитки крепостничества, стойкая патри-

архальность семейных отношений, слабое развитие феминистского движения помешали завершению этого процесса даже среди элиты русского общества. Социальная неполноценность не только детей, но и женщин оставалась фактом российской действительности вплоть до 1917 г.

Старая патриархальная семья была одним (конечно, не единственным) из важных источников авторитаризма в России на всех уровнях – от семейного до государственного. По мере гуманизации и демократизации отношений в семье происходили изменения отношений в обществе и государстве, и наоборот – по мере демократизации общества и государства происходила демократизация семейных отношений. Зачатки институтов гражданского общества появились в России в конце XVIII в. и были ограничены средой дворянства и интеллигенции – тех социальных групп, которые были, во-первых, лично свободны, во-вторых, не знали большой патриархальной семьи крестьянского типа, и воспитывались в семьях, напоминавших демократическую семью. Эти ростки к 1917 г. превратились в целую систему, опять же в основном ограниченную средой высшего и среднего класса, где были распространены демократические семьи. Именно эти классы формировали основу гражданского общества – многочисленные общественные организации, общественное мнение и парламент. Под давлением и при участии этих же социальных групп российская государственность прошла путь от петровского абсолютизма начала XVIII в. до парламентской монархии в начале XX в.

После 1917 г., когда носители либерально-демократических отношений дворянство, буржуазия, интеллигенция были уничтожены, высланы, дискредитированы и отстранены от власти, а государство стало опираться на рабочих и крестьян, в среде которых преобладали патриархально-авторитарные отношения, в России произошла частичная реставрация старого авторитарного режима. Вплоть до 1960-х гг. дети даже в городе воспитывались в обстановке просвещенного авторитаризма, принуждения, строгой регламентации и опеки. Терапия физическим наказанием ослабевала, но тем не менее еще занимала видное место в арсенале средств воздействия. Она сочеталась с более гуманными методами – с внушением, убеждением, запугиванием, психологической обработкой. В большинстве случаев усилия родителей, как всегда – из лучших побуждений, направлялись, скорее, на приручение детей, на формирование у них способности приспосабливаться, считаться с обстоятельствами, не выделяться, быть лояльными, скромными, как все, нежели на воспитание инициативы, самостоятельности мышлениям, чувства собственного достоинства, оригинальности, на умение совершать нестандартные поступки. Эта линия на выхощивание из ребенка всего самобытного, неординарного, на введение его поведения в жесткие, унифицированные для всех рамки еще более четко проводилась в яслях, детских садах и школах. Педагоги практиковали строгость, наказание, безусловное подчинение, жесткий контроль. Дети формировались соответствующим образом.

Общественные перемены – критика сталинизма, попытки рыночных реформ, ревизия марксизма, диссидентское движение – начались с конца 1950–х гг. и постепенно темп их нарастал и это совпало со временем существенных изменений в семье. Семейная жизнь в советской стране не была свободна от общественного контроля и все же пользовалась большей свободой сравнительно с другими институтами. Благодаря этому во второй половине XX в. именно городская семья быстро эволюционировала в направлении демократической и стала тем уникальным местом, где признавались такие ценности, как индивиду-

альность, свобода, собственность, независимости, право выбора. Человек, воспитанный в такой семье, ощущал потребность в индивидуальной автономии, в открытом обсуждении наиболее проблем, в институтах гражданского общества. Он хотел иметь гражданские права, готов был отказаться от советских ценностей ради ценностей буржуазных (хотя слово «буржуазный» ему не нравилось), которые, как казалось, легко и быстро обеспечат достойную жизнь. В значительной степени распространенностью нового типа личности мы обязаны быстрой и бескровной революции, произошедшей в начале 1990-х гг.

В последние 350 лет семья в России принципиально изменилась, причем в тех же направлениях, как и на Западе, только с опозданием. Численность семьи сузилась до супругов и одного-двух детей, семейная жизнь стала концентрироваться вокруг супругов и детей, отношения между которыми стали партнерскими, окрашенными заботой, сердечностью, взаимным уважением. Семья перестала быть производственной единицей и хозяйственным союзом; отношения между членами семьи не обуславливаются производственной зависимостью, значит, перестали быть производственными, стали исключительно личными, интимными, сосредоточенными на браке, детях, эмоционально-эротической сфере. Семья освободилась от прямой зависимости от общественных структур и от их вмешательства в семейную жизнь, она превратилась исключительно в сферу частной жизни. Одновременно увеличилась автономия супругов и детей, которые получили право на свою собственную жизнь; индивидуализм заменил традиционный коллективизм семейной жизни. В целом, личные семейные отношения и воспитание детей приобрели приоритет над всеми остальными функциями семьи и над профессиональными ориентациями супругов; семья стала местом, где происходит главным образом восстановление физических и духовных сил и психологическая реабилитация человека. Однако связь семьи с экономикой, обществом, политикой, культурой и образованием не исчезла – она стала более сложной, многообразной, опосредованной, приобрела новые, современные формы. Семья по-прежнему воспроизводит граждан по своему образцу и подобию. Общество по-прежнему внимательно следит за тем, что происходит в семье, и координирует усилия семьи и различных общественных организаций по воспроизводству молодого поколения, причем такого качества, которое отвечает постоянно изменяющимся общественным потребностям.

Российская семья пока не стала вполне демократической, супруги и дети пока не стали настоящими партнерами. До сих пор удовлетворение потребностей «главного добытчика» имеет приоритет над потребностями жены и детей. Работающие женщины выполняют подавляющую часть домашних дел, психологически разгружают детей от школьных стрессов, а мужа – от производственных; преисполненная любви жена все еще *служит* мужу и детям. Патриархат еще до конца не преодолен, негативизм в отношении к женщине также до сих пор окончательно не изжит. И хотя в советское время российская женщина многого добилась, но полного фактического равноправия между полами пока нет ни у нас, ни за рубежом. Сегодня женщинам необходимо преодолеть намного больше препятствий, чем мужчинам, для достижения равного результата. Думаю, что наше дальнейшее продвижение вперед в значительной степени зависит от того, как женщина будет утверждать себя в жизни.

Если до сих пор политические и экономические реформы в стране не дошли до своего логического конца, то это в значительной мере потому, что не завершилось становление демократической семьи и демократической личности. Общество не может быть по-настоящему демократическим, если в семье одни

ее члены доминируют и угнетают других, независимо от того, кто угнетается – мужчины, женщины, дети или старики. В этом смысле дальнейшая демократизация семьи продвинет демократизацию общества. Но это длительный процесс, нужно время, чтобы он завершился.

А.И. Антонов

Есть ли будущее у нуклеарной семьи?

1. Современная (объяснительная) демография использует две противоположные парадигмы в рамках которых ставятся и решаются основные проблемы, связанные с тенденциями демографических процессов. Теория демографического перехода в своей содержательной части представляет собой разновидность теории социального развития (эволюционизма, девелопментализма и т.п.), т.е. той теории, которая сопряжена с идеей социального прогресса и которая описывает феномены модернизации со знаком плюс. Другая теория - демографических изменений - сосредоточена на динамических аспектах социальной реальности, рассматриваемой в качестве "поля" взаимодействия, а не в качестве "объекта", подверженного "фундаментальным", "необратимым" и т.п. "сдвигам". В социологии изменений нет поиска "перводвигателя", нет выбора из факторов - главных причин наблюдаемого хода событий. Человеческая деятельность является источником причин и следствий, история есть продукт человеческой деятельности. В рамках этих двух подходов обычно рассматриваются все трансформации семьи.

2. В теории развития анализируется переход от "традиционной" семьи к "современной", к альтернативным семейности формам организации человеческих отношений. Из факта изменения семейных структур выводится неизбежность этих изменений, легко переходящая в фаталистическую интерпретацию наблюдаемых феноменов, как якобы независимых от человеческих действий, совершаемых помимо воли людей и ведущих к предопределенному финалу, как правило, оцениваемому позитивно. В парадигме прогрессистского развития все нынешнее многообразие форм семейной жизни оценивается по степени приближения их к идеалу современной семьи.

3. В концепции исторического отмирания многодетной семьи утверждается, что социальные действия, направленные на самосохранение существующих поколений, а не на воспроизводство их, ведут к сокращению рождаемости вплоть до однодетности, т.к. в социуме нет регуляционного механизма защищающего от этого поворота событий. Становление индустриального капитализма связанное с разделением семьи и работы, вовлечением женщин в производство и эмансипацией детей от семьи было подготовлено революцией идей, где семья рассматривалась как тормоз к прогрессу общества и личности. Философия государственничества (Гоббс, Дж. Ст. Милль, Ж.. Руссо) способствовала распространению общественного мнения, направленного на «освобождение» личности от «деспотизма» семьи. В русле этой направленности осуществлялась государственная политика по ограничению автономии семьи как института. Факты злоупотребления родительской властью служили поводом для отмены права родительского контроля над детьми в связи с запретом детского труда, всеобщим школьным образованием, борьбой с беспризорностью и девиантным поведением детей и подростков и т.п. На фоне перехвата семейных функций

другими институтами эмансипация индивида от семьи привела к усилению контроля государства над личностью.

4. Огосударствление семейной жизни сужает суверенитет семьи и сферу частной жизни, поскольку ограничивает первичность, интимность *семейных* отношений. Современное государство становится терапевтическим и превращает полную семью (и ее осколочные формы) в клиента государственных служб. В связи с неэффективностью семьи как института (невыполнение специфических функций, элиминирование автономности семьи, снижение привлекательности брака и семьи для личности) возникает задача приватизации семейной жизни. Активная семейная политика по укреплению полной семьи с несколькими детьми предполагает такое устранение кризиса семьи, при котором ограничиваются регламентированные воздействия государства на разъединение семейных поколений, на сведение семейности к супружеству и к семейным диадам типа "мать-ребенок", "взрослый - иждивенец" и др.

Н.Л. Пушкарева

Частная жизнь и проблема повседневности глазами историка

Частная сфера человеческой жизни неразрывна связана с другими социальными сферами. Она одновременно является и функцией их развития, и в то же время – одним из важнейших индикаторов ситуации в обществе. К сфере частной жизни относятся эмоциональные отношения и связи, которые возникают в повседневной жизни, основаны на личных пристрастиях и связаны со включенностью в свою органическую группу (семью, род). Сфера частного охватывает, с одной стороны, проявления в поступках и личностных оценках людей некоторых общих ментальных доминант, с другой – индивидуальных интенций. Частная сфера – эта та сфера жизни и быта, которая зависит от индивидуальных, частных решений. Публичное – государственные институты, то, что открыто и доступно всем. Приватное – это дом и семья, а также все то что скрыто от посторонних, принадлежит частному лицу. Частная жизнь – это часть жизни семейной, но это не только она, это еще и вся внутренняя жизнь человека. Соотношение частной и личной жизни: личная жизнь является лишь аспектом жизни частной. Частная жизнь охватывает не только внутреннюю жизнь человека, но и сферу межличностных отношений. Личная жизнь – это самое потаенное, это любые формы крайнего уединения, ухода в свой собственный внутренний мир.

Смещение акцентов от массового к индивидуальному – характерная черта современной науки, которая позволяет поставить основную исследовательскую «сверхзадачу» историка частной жизни: поиск ответа на вопрос, как индивидуальные интенции вписываются в систему коллективного принуждения. И нужны ли современному человеку выводы историков, насколько они для него поучительны?

Словосочетание «частная жизнь» употребляется историками с начала XIX в. Однако в то время под описанием частной жизни понималось воссоздание разных сторон жизни бытовой. И лишь недавно (а точнее – в последнее десятилетие) проблемы истории частной жизни, равно как противопоставление «истории приватного» и «истории публичного» сформировали особое научное направление, которое тесно связано с изучением каждодневных привычек рядовых людей, «историей повседневности».

Историки анализируют *событийную сторону* прошлого, оставляя «за бортом» бытовые детали. Этнографов событийная история не интересует. Они анализируют быт и обыденные привычки разных этносов, изучая типические стороны быта или материальные формы существования человека в комплексе с изучением традиционно-бытовых компонентов культуры. «Историка повседневности» – в отличие от историков в чистом виде и этнографов – интересует и история быта, и событийная история (влияние тех или иных событий на повседневный быт людей), и история ментальностей и ментальных стереотипов, то есть историческая психология, а вместе с ней – история личных переживаний человека. Если этнограф изучает отношение людей к вещественным атрибутам повседневности, то специалист по истории частной жизни – изучает отношение к *невещественным* ее атрибутам, занимается поисками того, как человек разных эпох воспринимал самого себя свою собственную жизнь. Историка частной жизни привлекает взаимодействие и взаимопротекание внутреннего и внешнего мира индивида, в том числе казуальное, единичное. И сдвинутым рассмотрением этих процессов является постановка новой задачи: насколько выявленное единично или типично, о какой тенденции свидетельствует, в какой мере выражает своеобразие эпохи?

Историк повседневности и частной жизни старается сочетать анализ *массовых* феноменов с анализом *индивидуального* поведения людей разного статуса. Данная задача ставит новую: поиски ответа на вопрос, насколько отдельный индивид был в состоянии действовать по-своему, отклоняясь от предписанного, от правовых норм или от обычая? Как воспринималось обществом расхождение между поведенческими клише и индивидуальными поступками человека? Кто чаще поступал девиантно – подростки, молодежь или люди с устойчивым социальным и семейным статусом, то есть более зрелые? Кто больше совершал нестандартных поступков – мужчины или женщины? Иными словами, речь идет о пределах самостоятельности индивида в разные эпохи – и такое соотношение стереотипного и индивидуального и конструирует главную «интригу» сочинения исследователя истории частной жизни.

Частная сфера жизни людей во все эпохи весьма своеобразно соотносилась со сферой их повседневной жизни. Сферы эти – соединяющиеся, отчасти «накрывающие» друг друга. Историк частной жизни изучает лишь одну из сфер повседневной жизни – а именно ту, которая зависит от индивидуальных, частных решений. Ряд же сторон повседневной жизни людей равным образом принадлежит и публичной, и частной социальным сферам.

Разделение приватного и публичного детерминировано социально и дискурсивно. Рождение «частной сферы», как и рождение понятия *privacy* – явление, порожденное упадком коммунальных форм общения и проживания в период высокого средневековья, то есть явление, выросшее из высвобождения индивидуального сознания в конце XV (Южная Европа) – XVII вв. (Россия). С каждой новой эпохой, в условиях модернизации общества сфера публичного и сфера частного все более расходились и разъединялись.

Двуединство задач исследования частной жизни: (1) изучение «*пространства приватного*» и (2) изучение *индивидуальной жизни*, внутреннего мира людей разных социальных страт, разного пола, разных культур, религий и т.п. Рассмотрение второй стороны частной жизни – жизни индивидуальной – ставит перед историком новые *субзадачи*, например, проблему личных переживаний и пристрастий; проблему представлений о круге близких в разных социальных слоях, в разные эпохи; проблему представления о норме и

отклонениях в отношениях круга близких, межличностных отношениях в семье, «взаимопритязаниях» и «взаимоотталкиваниях» с друзьями, соседями, родственниками; проблему возможных «вторжений» в отношения с близкими – социальными отношениями иного плана (государства, церкви); проблему соотношения ментальных стереотипов и индивидуальных импульсов.

Сложности и препятствия на пути изучения «истории частной жизни» – источниковедческие и теоретические.

Е.Ю. Мещеркина

Частная жизнь как предмет социологического анализа

Феномен частного/приватного возникает как предмет анализа в свете определенной топологии социального пространства: сфера публичного, частного, полупубличного–полуприватного. Мы бы отнесли к частной жизни в первую очередь отношения супругов/партнеров, домашнюю экономику и социальную коммуникацию, основанную на неформальных связях, что заведомо неполно. Несомненно, реконфигурации этого пространства зависят от господствующего типа культуры и ее институционального каркаса – идеологии. Так же очевидно, что подвижные границы этих субпространств проходят на стыке интересов государства и индивида, участника социальных групп. Если вспомнить слова Бергера и Лукмана, человеческое достоинство – вопрос социального позволения. Если же эпоха, например, советская, не оставляет места приватному, вернее, стремится его занять, подчинить общим коммунальным ценностям, значит ли это, что частного нет? Мы бы ответили, что имела место конструкция «частного без приватности».

1. Если занять исследовательскую позицию в рамках социально-конструктивистской парадигмы, то российскую динамику частного-публичного в XX веке можно рассматривать как процесс исчезновения частного из этой дуальной системы, медленного выкристаллизовывания вновь и стабилизации дихотомии в новом качестве. До революционных изменений публичная сфера была преимущественно сферой мужской занятости, а частная – женской, домашней, вторичной по отношению к мужской. В этом контексте важно ввести понятие гендерного контракта, описывающее устойчивое соотношение женских и мужских ролей. Фактически это социальный институт, предписывающий социальные взаимодействия в соответствии с полом. Советская эпоха сменила прежний основной гендерный контракт «домохозяйка + добытчик/кормилец» на контракт «работающая мать + работающий отец» или контракт равного статуса. Очевидно, что радикальные изменения в гендерной женской роли, совместившей и обязательную ориентацию на материнство, и на профессиональную деятельность, оказали влияние на возросшие социальные притязания женщин как социальной группы.

2. Перестройка и последующие рыночные изменения имели следствием исчезновение социальной политики, поддерживавшей материально и идеологически контракт работающей матери. Возникла вариативность гендерных контрактов, связанная прежде всего с экономической самостоятельностью женщин, неустойчивостью мужской роли кормильца, рассогласованием цепочки образование-статус-заработок, ломкой стратификационных границ и т.д. Возникает и новое качество частного: не «внутренняя эмиграция» или женский домен, царство матриархата, а выгораживаемое ментально и физически про-

странство, приобретающее ценность в оппозиции к публичному пространству. Возникает прототип западного privacy с осознаваемым правом на его защиту от государства, идентификация с которым, как и другими макроинститутами, резко сократилась.

3. Эмпирическое репрезентативное исследование частной жизни, предпринятое в Москве, Псковской и Саратовской областях, отражает ряд тенденций и сдвигов в семейно-брачной сфере россиян, их взглядах и поведении в повседневности. Приходится констатировать, что патриархатная семья/партнерство остаются доминирующим культурным паттерном. Тем не менее есть сдвиг в самооценке женщин в сторону их большей независимости, при том, что мужчины тяготеют к консервативной мужской роли и женскому предназначению. Специфика российского союза в отличие, например, от американского, в том, что оба партнера убеждены, что деньги в семье должен зарабатывать мужчина, но держатель семейного бюджета – жена. Разделение труда в семье имеет отрицательную связь с возрастом, т.е. молодые предпочитают более кооперативное поведение, чем более опытные супруги (опять же в отличие от американцев). Общая удовлетворенность браком/партнерством у жен зависит от степени участия мужей в домашних делах и воспитании детей. Для мужей значимо распределение домашней работы. В чем ясен сдвиг, так это в том, что по сравнению с данными прошлых лет, принятие решений в паре принимается скорее вместе, чем «главой семьи», что как понятие несколько размылось. Отшел на задний план и институт бабушек, что объяснимо необходимостью подрабатывать и будет иметь серьезные следствия для разрыва цепочки транслируемых консервативных ценностей. Пожалуй, самый «русский» вывод, если сравнивать с культурной ситуацией Запада, заключается в том, что качество брака/партнерства значимо не зависит от относительных социально-экономических статусов партнеров. Образование здесь играет более значимую роль, особенно для женщин, а также чувствительность (для обоих супругов). Инструментальность мужей повышает восприятие качества брака для жен, но не наоборот. Наконец, факт наличия маленьких детей делает семью более уязвимой, нестабильной.

А.С. Ахиезер

Формирование частной и общественной жизни в России в XX в. в свете глобальных сдвигов в культуре

1. Значимые изменения, имевшие место в XX в. в частной жизни в России можно свести к следующим пунктам:

А) Продолжение распада синкретизма народной культуры, стимулирующей интенсивное отделение частной жизни от общественной, вплоть до их противопоставления и даже взаиморазрушения в определенных условиях, рост осознания их отличий, специфической ценности, развитие приватизации частной жизни, доходящее до противостояния вмешательству в нее государства.

В советское время власть, опираясь на революционный энтузиазм, пыталась сконцентрировать массовые усилия в сфере общественной жизни в ущерб частным, сегодня в обществе преобладает противоположная тенденция.

Б) Возрастающий процесс противостояния авторитарному, тоталитарному вмешательству государства в частную жизнь, осознание человеком себя

как субъекта, находящегося на границе своей частной и общественной жизни, роста потребности нести ответственность, как за частную, так и за общественную жизнь, хотя и в различных масштабах.

В) Происходило все большее осознание человеком открытости мира для себя как в узком, так и в широком смысле. Первое означает возможность менять один локальный мир на другой, менять место жительства и место работы, менять город, семью, страну; второе превращать большой мир, большое общество в культурную ценность, осознавать себя его жителем, превращаться в перспективе в ответственного гражданина.

Г) Периодические попытки вернуться к старому, к ранее сложившимся ценностям, но оттесненным на задний план в культурное подсознания, то есть попытки архаизации общества.

Д) В центре этих процессов лежит возрастание самооценки личности, превращение ее в фокус жизни общества, соответствующие ограниченные сдвиги в культуре, в отношениях людей. Это не исключает, однако, и противоположных стремлений.

2. В стране на протяжении истории господствовал традиционный (вечевой) тип мышления. «Московские люди того времени (царствования Бориса Годунова — А. А.) не имели привычки возводить мотивы своих действий к отвлеченному принципу или моральному постулату. Если они и приводили в своих суждениях тот или иной резон, то обычно это было указание, что «так повелось», или же что «и быть тому непригоже»; они не объясняли». (Платонов С. Ф. Смутное время. СПб, 2001, с. 274). Этот подход опирался на господство в мышлении эмоционально-инверсионной логики.

Возможность модернизации мышления могла иметь место лишь в результате глубоких глобальных качественных сдвигов, замещения в культуре, в мышлении господства эмоционально-инверсионной логики интеллектуально-медиационной. Модернизация мышления заключалась в массовом развитии способности людей формировать и осваивать абстракции, формировать мир через абстракции, например, государство, деньги, законы природы и общества, формировать качественные сдвиги в формах общностей, например, характере семьи. Развитие этой способности неотделимо от развития способности отрываться от непосредственного сращения конкретной мысли с конкретной эмоцией, как это имело место в архаичном мире, развития способности возвышаться абстракциями над эмоциональным миром, превращать эти абстракции в программы деятельности, что позволяло реализовывать их через новые формы человеческих отношений. Это качественное изменение культуры начали свой путь в мире с некоторых стран после 700-летия до н.э., в осевое время (К. Ясперс). Реализация культурного осевого времени багаж составляет важнейший элемент осевого времени.

3. Отсюда открывается возможность и потребность, наряду с сохранением стремления адаптироваться к исторически сложившимся условиям, переходить к критике этих условий, развивать попытки выйти за их рамки через формирование новых программ деятельности, их реализации, через более развитые способности оперировать абстракциями. В культуре происходит постоянное прощупывание границ своих исторических возможностей, а культура, вооруженная более глубокими абстракциями, обладает большими возможностями эти границы преодолевать.

4. На основе развития абстракций только и могут изменяться личные отношения между людьми в большом мире. Они в возрастающей степени при-

обретают способность выходить за рамки локальных миров, за рамки исторически сложившихся ритуально-эмоциональных ритмов, выходить в большое общество, воспроизводить его.

Повседневное поведение человека, осознающего себя в представлениях эмоциональной культуры, существенно отлично от поведения человека, развившего в себе способность формировать абстракции и ими оперировать. Это культивирование эмоциональной жизни в определенных группах может принять гипертрофированный характер. У М. Гершензона в «Молодой России» описан, взятый с натуры тип личности, для которого характерен ярко выраженный сентиментализм, реакция на события напряжением чувственности, слезами по разным поводам, подчинение мысли эмоциональному состоянию, подчас достаточно изощренное. Для этого типа человека весь мир соблюдение некоторых эмоционально-содержательных ритмов, тогда как для людей, преодолевших эту ограниченность, характерно усиление рациональной критики, включающей стремление изменить свое положение, свою систему отношений, искать в продуманных, осознанно принятых решениях повышение комфортности большого общества. Эта способность существенно изменяет состояние повседневной жизни, включает возрастающей по мощности источник изменений охватывающих одновременно и частную и общественную жизнь. Институты частной жизни меняют свою природу, что представляет собой важнейшую форму проявления модернизации.

5. Разные страны в разной степени и в разное время осваивали наследие осевого времени. Россия серьезно отстала в этом, что выразилось, прежде всего, в сохранении господства эмоционально-инверсионной культуры. Это свидетельствовало о слабости механизма массово выхода за рамки сложившегося уровня культуры.

6. Советский этап начался, как попытка полностью растворить личность в целостности общества, в восстановлении идеала соборности, где семья и большое общество лишь частные ее случаи. Однако постепенно в советский период выявилось нарастающее отчуждение личности от целого, возрастающая приватизация жизни личности, попытка организовать свою жизнь на основе ценностей жизни в локальном мире, вело от соборности к расчлененному, разнобразному миру. Это открывает возможность переноса центра тяжести динамики на качественные сдвиги в развитии семьи, что составляет важнейший элемент демографической модернизации. Как реакция на этот процесс возмужающая тенденция.

7. Отношение власти в советский период к культурному богатству осевого времени носило двойственный характер. С одной стороны, возникшая на волне архаизации, возглавив этот процесс, большевистская власть направила удар против элитарной культуры, против наследия осевого времени, пытаясь подавить всякое развитие мысли, движущейся не по внешней указке, а на собственной основе. С другой, большевизм как сила власти мог удержаться на волне архаизации лишь краткий миг, так как силы архаики оказались нефункциональными в сфере государственного строительства. Большевизм вынужден был одновременно стимулировать повышение грамотности, образование низов, средних слоев. Но этот процесс по самой своей сути мог иметь место только как развитие, пусть одностороннее, искаженное, определенных аспектов осевого наследия.

В России образование развивалось крайне медленно и было не в состоянии переварить мощную толщу архаичной культуры. Советский период ха-

рактировался нарастанием количества людей, получающих образование разных уровней, что вольно или невольно включало стимулирование способностей овладения абстракциями. В этом же направлении действовала деморализация архаичных словес в связи с разрушением сложившихся социальных отношений, синкретизма, а также с неслыханной по масштабам урбанизацией, где сложившийся образ жизни отрывался от первобытной естественности, подчиняясь возрастающей массе наработанных абстракций разных уровней.

8. Отсюда двойственность развития России в XX в. С одной стороны, вступление на путь модернизации, включая демографическую. С другой, периодическое стремление повернуть общества к истокам, что порождало значительный потенциал дезорганизации, хаотическое смешение модернизации и архаизации. Это отчетливо проявлялось в динамике семьи, где, с одной стороны, выявлялось отступление ценностей патриархальной семьи и выход на первый план ценностей развития личности, формирование соответствующих форм семейных отношений. Последнее проявлялось, например, в стремлении перейти от экстенсивного к интенсивному воспроизводству детей в семье, то есть от стремления к многодетности к стремлению дать качественное образование, воспитание детям в малодетной семье. Однако одновременно разрушение ценностей патриархальной семьи при недостаточной способности освоить, формировать новые ценности, приводило к разрушению семьи в разных формах, например, в форме вытеснения детей из семьи, серьезному росту бытовой преступности. Важнейшая причина такой дезорганизации заключается в торможении частью общества развития новых ценностей, связанных с модернизацией, например, с половым воспитанием.

9. В советский период отношения в общества рассматривались через призму семейных отношений, например, Советский союз определялся как братство народов, как результат распространения модели братской семьи на большое общество. Это одно из многих проявлений попытки после переворота 1917 г. создать общество эмоциональной основе, на основе отношений, которые веками составляли содержание эмоциональной жизни. Эта попытка в усложняющемся обществе выявила свою утопичность. В постсоветском обществе развилась противоположная тенденция - семейные отношения стали больше рационализироваться. Развитие общества по модели осевой культуры означает изменение основополагающей ценности, то есть переход от господства ценности воспроизводства статичных отношений, к воспроизводству динамики. Этот переход, с одной стороны, необходим для эффективного ответа на усложнения мира, но, с другой, несет опасность сильной дезорганизации.

10. Промежуточный характер современного состояния общества проявляется в том, оно результат преодоления, разрушения старых ценностей форм отношений, что открывает путь возможности культурного вакуума, возможности своеобразного беспредела в целях, ценностях, поведении. Противостояние этому процессу включает возможность отката к архаике, что может происходить в формах своеобразной диктатуры в семье, перерастающей в насилие. Распад старого может породить элементы хаоса. Один из элементов распада - выталкивание детей из семьи.

11. Опасность для общества, которая подстерегает этот процесс, заключается в том, что инновации в частной жизни могут принять форму хаотического процесса, дезорганизации. Выход заключается в развитии постоянной массовой озабоченности по этому поводу, в постоянной нарастающей озабоченности по поводу нового синтеза результатов предшествующего расчленения

сложившейся культуры. Способность к синтезу - ответ общества на опасность разрушительной дезорганизации.

Этот новый культурный синтез в форме новых ценностей, норм не является результатом некоторых автоматизмов, но напряженного массового творчества. Только таким образом происходит модернизация, формируется культурная санкция на то, что могло казаться чем-то разрушительным. (В принципе каждая значимая инновация в традиционном обществе воспринимается как разрушительная). Для преодоления этого дискомфортного ощущения необходима культурная инновация. Именно так происходит социокультурное развитие, социокультурное освоение новых явлений, модернизация. Сегодня этот синтез следует признать недостаточным - конструктивно не осваиваются значимые деструктивные процессы, происходит распад без адекватного синтеза.

Улучшение ситуации возможно через постоянный диалог между возрастающим количеством людей, что создает возможность культурного освоения ситуации, преодоление несоответствия между дезорганизацией и нацеленным на поиск некоторого порядка культурного процесса.

В этой связи крайне негативным является попытка уклониться от подобных обсуждений, от попыток диалога, так как диалог - форма развития культуры. Опыт Запада говорит, что здесь может важную роль играть церковь, которая не только гибко на основе овладения высокой культурой дает санкции интерпретациям новых явлений, вплоть до формирования новых конфессий, например, появления протестантизма в разных формах. Сегодня РПЦ, однако, односторонне защищает формы и ценности традиционализма, пытается вернуться к уходящему типу традиционной семьи, поставить преграду новым позитивным тенденциям, например, половому воспитанию. При этом она пытается уклоняться от реальных обсуждений, опасаясь даже сделать предметом обсуждения определенные слова, действия, процессы, оставаясь при своем монологе. Этот страх перед словом, перед новизной является одним из проявлений консервации синкретической культуры, где слово и действие не разделялось, проявлением противостояния модернизации, санкции дезорганизации.

Б.В. Дубин

Быт, бытовщина, обыденность:

Идея и история повседневности в России

1. Повседневность - поздно вычлениющаяся сфера коллективной жизни и поздно образующаяся в языке область значений. Выделенное по смыслу понятие «повседневности» появляется в Европе с переходом к современному, или модерному, обществу (кажется, первым о «новом героизме повседневной жизни» - в сравнении с сословным героизмом аристократии, традиционными нормами поединка, войны - в середине XIX в. заговорил Бодлер). Соответственно, трактовки этого понятия на протяжении модерной эпохи социология связывает с группами элит, задающих представления о современном (инициаторы, «диктатуры» модернизации), с их ценностями и картинками мира, их референтными группами, союзниками, противниками, борьбой за влияние и т.п. Характерно, что в толковом словаре Даля, по преимуществу ориентированном на более традиционную лексику и семантику, слов «повседневность» и «обыденность» нет, а «быт» понимается исключительно как традиционный - народный,

национальный, сословный – уклад коллективного существования; в этом качестве он и идеологизируется славянофильской мыслью.

2. В истории XIX в. - до эпохи «гибели богов» и «восстания масс» - семантическая сфера повседневного оформляется в системе ценностных противопоставлений, противоположный полюс которых задан как область аристократического (иерархически-высокого), официального (государственного), институционализованного, праздничного и т.п. Повседневное же, соответственно, трактуется как пространство вне-иерархического и недостижимского поведения: здесь как бы отсутствует социальная иерархия, ослаблена или даже исключена социальная конкуренция и социальное сравнение, акцент делается на отношениях взаимности и доверия, в основе которых – не власть, а влияние, авторитет. Вместе с тем, повседневное не исчерпывается и не ограничено рамками малых институтов, неформальных отношений семьи, дружбы, соседства, хотя и связано с ними; скорее, повседневность – сфера жизни и деятельности человека как такового, социально зрелого индивида, любого и каждого (эвримена). В этом смысле повседневность – и продукт дифференциации различных сфер социальной жизни и, вместе с тем, такой план коллективного существования и воображения, где конфликты и тяготы социальной дифференциации по возможности опосредуются, умеряются. Однако при блокировке социальной дифференциации повседневность может подвергаться ресимволизации (вторичной символизации) и выступать сферой социально-престижного поведения, демонстративно-символического потребления и т.п.

3. В России трактовка повседневности, вместе с ее оценкой (по преимуществу - негативной), производна от других ценностных проекций слоя интеллигенции. Она несет на себе следы, с одной стороны, романтического противопоставления реальности и идеала, а с другой - оппозиции общественного (идейного)/частного (приспособленческого, обывательского), деятельного/пассивного и проч. Далее в интеллигентском обиходе складываются два плана противопоставлений быту: общественный (идейно ангажированная интеллигенция вплоть до Горького характеризует быт как «свинцовые мерзости») и творческий, художнический (символисты с их позднеромантическим пафосом сверхреальности и, в этом смысле, «безбытности»). На пересечении этих тенденций складывается жертвенный, аннигиляционный и саморазрушительный пафос предреволюционной интеллигенции. Постоянная двойственность в оценках быта определяется его отношением исключительно к «народу», но взятому в этом плане со стороны его неидеологизированного существования: тем самым из семантики повседневности, с одной стороны, удалены все позитивные оценки традиционных («народных») сторон быта, с другой – народ здесь выступает вне сферы просветительского воздействия ангажированной интеллигенции. Двойственность оценок быта – проекция напряжений и разрывов в системах самодентификации образованных слоев недомодернизированного российского общества.

4. В раннесоветскую эпоху быт задается и оценивается как воплощение буржуазного индивидуализма (антиколлективизм) и идейной, моральной приземленности - мещанства (ориентация на прошлое). Быту «уходящих классов» (ср. Кузьмина, Вагинова) противостоит безбытный героизм фанатиков - опять-таки романтический («Как закалялась сталь»), и «новый быт» социальных технологов - коммунальный: тотальная организация труда, семьи, свободного времени и проч. (влияние идеологии фордизма, вообще демонстративный американизм этого периода). Бытовое – быт новых служащих – в подобной

ценностной перспективе снижается и вытесняется в комическую сферу (Зоценко). «Любовь», «быт», требования «большого» общества («революции») противостоят у Маяковского (ср. этот же конфликт ориентации и идентификации у Олеси, Добычина, Платонова, в утопиях и антиутопиях 1920-х гг.).

Левореволюционная риторика «авангарда» ориентирована при этом против бытовщины и мещанства «средних» слоев – на мобилизацию поддержки слоев нижних, люмпенства. Перелом к 1930-м гг. (через НЭП и «вторичную европеизацию») – конец эпохи фанатиков: побеждают средние (служащие, исполнительная бюрократия без власти), на которых далее и переносится социальная опора власти. Переход от аскетизма эпохи принудительной мобилизации к демонстрации достижений нового строя (быт государственной интеллигенции - улучшение условий ее жизни и работы, санатории и дома отдыха): централизованно-государственные мероприятия по налаживанию быта инженеров, писателей и проч., прерванные войной.

Возвращение быта в послевоенной ситуации (проблематика моды, предприятия индпошива и бытового обслуживания). Оттепель и новая борьба с «мещанством», конфликты между «романтической» и «бытовой» («очерковой») тенденциями в культуре: государственно поддержанными событиями чаще всего становились произведения, узаконивающие героико-романтическую точку зрения.

5. За всеми оценками повседневности в советскую и постсоветскую эпоху - противопоставление режима мобилизации с его аскетизмом и самоотречением (включая военную мобилизацию и, в ослабленной форме, всегдашнюю уравнительную психологию) - и «мирного времени», «жизни для себя». В основе повседневной жизни нескольких поколений советских людей – строго лимитированный набор благ и услуг. Накопление символических капиталов к 1970-80-м гг.: образование, отдельная квартира, «удобства», техническое оснащение быта, пусть еще примитивное. Преобладание статусно-иерархической модели распределения благ: урбанизационная, поколенческая, цивилизационная, образовательная модели в значительной мере подавлены и действуют гораздо слабее. Повседневность, вне рабочее время, дом (включая второй дом) и семья понимаются населением как пространства почти исключительно для ускользания от общества-государства.

6. Социальные группы и семантические контексты советской эпохи, определяющие оценку и культурную семантику бытового:

- умеренно-критическая интеллигенция в ее реальных и мысленных отношениях с властью (повседневное трактуется здесь как человеческое против казенного, властного, бездушного);
- она же, но действующая в контексте урбанизации, относительной вестернизации, цивилизации (бытовое как относящееся к современности, к цивилизованному, «культурному» стилю жизни образованных городских слоев - отдельные квартиры, торшер, импортная мебель, грузинская чеканка или прибалтийская керамика и проч.);
- быт как символ рекреации, высвобождающегося досуга (дома отдыха против туристических походов и поездок «дикарями»); середина 1960-х гг. - введение государством двух выходных, рост свободного времени, образовательного уровня;
- «мещанское» (в двух оценочных планах: либо как относящееся к власти, но за вычетом из нее романтической легенды о «комиссара в пыльных шлемах» - отсюда фигуры приспособленцев и мародеров власти, либо как не-

просвещенное, безвкусное в быту среднего человека - эстетика «ковриков и слоников»);

- идеологически заданная критика западного «общества потребления»;
- параллельно этому риторика быта в языке власти (задачи повышения благосостояния, «удовлетворения бытовых потребностей населения» и проч.), отсюда - «техническая эстетика» и идея удобного, эстетического быта;
- идеологический неотрадиционализм 1960-70-х гг. - обыденное как национальное, народное, деревенское против интеллигентского и городского («Лад» Белова против его же «Воспитания по доктору Споку»);
- появление «новых богатых» дефицитарной эпохи - людей «с возможностями», но не принадлежащих к официальной власти и номенклатуре (мебель, бытовая техника и бытовые услуги, покупка в «Березке»);
- 7. Перестройка и мифология «новых русских». Обустройство быта носителями социального успеха 1990-х годов: от эстетики каталогов и глянцевого журналов к возвращению проблемы вкуса. Среднетиповой уровень (ИКЕА). Нижний средний уровень (городские ярмарки и торговые ряды). Низовой уровень (покупки в привычных старых магазинах). Типы адаптации, критерии оценки повседневности и формы организации быта: эрозия и уход интеллигенции. Формирующая и усредняющая (интегративная) роль телевидения и массовой культуры в целом, включая импортируемую.

Е.Н. Яркова

Развитие утилитаризма и сдвиги в частной жизни: сравнительный анализ России и Киргизии (советский и постсоветский периоды)

1. XX век отмечен значительными сдвигами в частной жизни населения России и Киргизии. Серьезные перемены в семейном, сексуальном, репродуктивном поведении позволяют квалифицировать процессы происходящие в частной жизни граждан двух государств как демографическую модернизацию. Однако эта модернизация отливается в специфические паллиативные формы.

2. Глубинные причины "зависания" модернизационных процессов в переходном состоянии следует искать в нравственной плоскости, поскольку внутренний смысл демографического перехода может быть эксплицирован как нравственная метаморфоза - вытеснение традиционной, апеллирующей к внешнему авторитету, нравственности нравственностью либеральной, базирующейся на идее моральной автономии личности. Особое значение в понимании специфики демографической модернизации России и Киргизии имеет исследование такого типа нравственности как утилитаризм.

3. В типологической триаде нравственности: традиционализм - утилитаризм - либерализм, - утилитаризм занимает срединное положение, выполняя функцию двигателя модернизационных процессов. Утилитаризм выступает как антитеза нравственности традиционализма: отказываясь от опоры на какой-либо внешний авторитет, он опирается на принцип пользы. В противовес традиционалистским установкам на самоотречение, самозабвение и аскетизм, утилитаризм нравственно санкционирует такие типично человеческие проявления как стремление к удовольствию, счастью, успеху. Таким образом, происходит "переворачивание" традиционной ценностной иерархии: душевно-телесное начало человека начинает играть главенствующую роль, тогда как духовное приобретает подчиненное положение - высшие потребности ставятся в зависи-

мость от базовых. Утилитаризм является катализатором таких процессов как рост потребностей, усовершенствование материальной среды обитания, снижение уровня смертности, кризис патриархальных форм семейного, сексуального, репродуктивного поведения и становление либеральных норм частной жизни. Конечно, такая преобразовательная направленность в большей степени присуща развитому - производительному утилитаризму, выдвигающему идею наращивания благ за счет совершенствования, интенсификации средств благопроизводства, повышения эффективности деятельности и выступающему в качестве предтечи либерализма. Умеренный - потребительский утилитаризм, решающий проблему увеличения объема благ за счет присвоения и экстенсивного наращивания уже существующих благ, в целом не содержит преобразовательной установки. Актуализируясь на фоне традиционализма, он формально не покушается на «святыя святых» традиционный уклад жизни. Тем не менее, подвергая традиционные нормы частной жизни утилитарной ревизии, лишая их непрерываемого авторитета, нарушая их во имя интересов пользы, наконец, используя некоторые, представляющиеся более выгодными либеральные нормы; умеренный утилитаризм изнутри медленно разрушает традиционализм. Он продуцирует такую противоречивую форму демографической модернизации как "консервативная" модернизация. Развитие в ее рамках осуществляется по формуле "шаг вперед, два шага назад".

Умеренный утилитаризм может носить коллективистский, уравнилельно-распределительный характер, соответственно полагая "общественную пользу" главным критерием жизнедеятельности, или индивидуалистский, разделительно-присваивающий характер, определяя личную выгоду как ориентир в житейском океане.

4. Особенности массового повседневного утилитаризма в России и Киргизии - примат умеренных форм над развитыми, высокий статус коллективистских уравнилельно-распределительных ориентаций - складываются в результате различного рода факторов (политических, экономических, культурных) в досоветский период. Мощным средством консервации умеренно-утилитаристских идеалов в массовом сознании служила советская идеология. Полагая в качестве определяющего принцип блага (пользы) народа, конкретизируемого как социализм (коммунизм), она являла собой образец крайне противоречивой и непоследовательной релятивистской морали. Пролонгируя типично традиционалистские институты: культ плодovitости, культ целомудрия, культ маскулинного начала, идею самопожертвования личности во имя блага общества, - советская идеология параллельно насаждала и некоторые либеральные нормы: принцип гендерного равноправия, идеал борьбы со смертностью за более высокую продолжительность жизни, принципы здорового образа жизни. При этом преобладающей стратегией либерализации являлась стратегия насаждения либеральных норм, но не их проращивания. Волонтаристские методы либерализации зачастую оборачивались трагическими последствиями, например, движение за снятие паранджи привело к гибели сотен женщин в Киргизстане. Консервация традиционных форм частной жизни осуществлялась за счет торможения качественного роста утилитаризма, блокирования развитого утилитаризма, который котировался как дух мещанства, буржуазный индивидуализм. Продуктом демографической модернизации советского периода становятся гибридные формы повседневной нравственности, эклектически соединяющие традиционные и либеральные нормы сексуального, репродуктивного, семейного поведения, соединительной основой разнородных смыслов выступал утилита-

ризм. Конечно, в киргизской культуре, значительно позднее вставшей на путь демографической модернизации, традиционные нормы имели значительно больший вес, чем в русской.

5. Важнейшей особенностью культуры постсоветской России и Киргизии является беспрецедентная актуализация утилитаризма, что влечет перемены в частной жизни граждан двух постсоветских государств. Крушение советской империи, образование независимого государства - Киргизской Республики, отмена льгот, пособий, уравнивательного перераспределения материальных благ, коллапс промышленности и распад сельских коллективных хозяйств - все в целом отбрасывает население Киргизстана за черту бедности и ставит киргизстанцев перед проблемой выживания. Проблема выживания ведет к необычному росту массового утилитаризма, типичными приметам современного Киргизстана становятся урбанизация молодежи, освоение коренными жителями нетрадиционных видов трудовой деятельности: торговли, сферы обслуживания, транспорта. Вместе с тем, утилитаризм развивается скорее вширь, чем вглубь. Лидирующие позиции в иерархии нравственных идеалов занимает умеренный индивидуалистский утилитаризм. Гипертрофия этой формы утилитаризма ведет к общей маммонизации всего строя жизни, деформации сложившихся норм повседневной нравственности - нарастающей свободе сексуального поведения, либерализации репродуктивных установок, разрушению традиционной семейной иерархии. Например, в результате превращения женского бизнеса - членочничества, мелкого предпринимательства - в основной источник дохода значительной части киргизских семей происходит стихийный обмен гендерными ролями. Исследования показывают, что инновации в сфере частной жизни иницируются утилитарными стимулами. Одновременно, умеренный утилитаризм способствует реанимации и некоторых традиционных институтов, например, полигамии, которая квалифицируется как способ решения социальных и демографических проблем.

Активизация утилитаризма в постсоветской России связана с изменением его качественных характеристик. В рамках новой прагматически ориентированной ментальности идея достижения материального и социального благополучия посредством индивидуальной предпринимательской деятельности становится одной из наиболее популярных. Вместе с тем, новоявленный российский достижительный эвдемонизм рождается не столько вследствие качественного роста почвенного утилитаризма, которое в условиях социализма едва ли было возможно, сколько на волне увлечения западной культурой, как имитация западных образцов жизни. Инверсионное происхождение развитого утилитаризма, отсутствие механизма "снятия" в процессе перехода от умеренных форм утилитаризма к развитым, делает возможной возвратную инверсию от господства развитого утилитаризма, к господству умеренного. Привлекательность соблазнов новой жизни не исключает ностальгической тоски по старой надежной, зачастую идеализируемой, жизни. А поскольку рост потребности в новых благах, не сопровождается ростом потребности их производства конфликт между старым и новым, умеренным утилитаризмом и развитым утилитаризмом не снимается, но воспроизводится в практически неизменном виде.

6. Специфика демографической модернизации Киргизии и России в прошлом и настоящем обусловлена заикленностью культуры на умеренных формах утилитаризма и дефицитом зрелого утилитаризма. Выход к некоторым либеральным нормам частной жизни, минуя стадию зрелого утилитаризма приводит к тому, что многие традиционные нормы повседневной нравственности не

утрачивают своей притягательности как для россиян, так и для киргизстанцев. Конечно, в большей мере это относится к киргизам, для которых архаичные родоплеменные идеалы по-прежнему имеют статус высших ценностей. Судьбы россиян и киргизстанцев зависят от способности общества, преодолев инерцию устаревших форм, сделать шаг в будущее.

Морозов И.А.

Мужские ценности и традиции в современной России

В докладе обсуждаются тенденции развития гендерных стереотипов в современной России в последние десятилетия XX в., в частности, проблема трансформации традиционных мужских ценностей, под которыми подразумеваются сила и власть, мужество, доблесть и отвага, честь и слава как награда за свершения («подвиги»). Рассматривается роль авантюризма и игры в мужской субкультуре, влияние на стратегии современного мужского поведения устойчивого коллектива (мужской компании), а также традиционных стереотипов мужского поведения.

Многие очевидные факты свидетельствуют о несомненной востребованности сегодня древних идеалов и стереотипов поведения, которые мы называли *мужскими традициями и ценностями*. Мужское начало наиболее ярко проявляется лишь в эпохи героические, в эпохи перемен, когда мир оказывается перед лицом мирового зла. Отстоять и защитить его — дело настоящего мужчины. Когда мы видим Ельцина, возвещающего начало новой эпохи с танка, или Путина, воспаряющего в небеса на военном истребителе и опускающегося в бездну морскую на подводном военном крейсере, мы не должны забывать, что это не просто пиар, но (сознательно или нет — другой вопрос) разыгрываемая перед нами древняя сказка. Первые лица государства ведут себя так, как испокон веку принято себя вести вождям и настоящим мужчинам, и невиданно высокий уровень общественного одобрения показывает, что общество ждет от них этих жестов, во многом символических и в данной ситуации традиционно необходимых.

1. Ценности. Понятия «силы», «власти» и связанные с ними признаки «агрессивности», «жесткости», «бескомпромиссности», «воли». Манифестации силы, ее атрибуты и знаки, в т.ч. на уровне поведения (жесты) и речи.

Настоящий мужчина во всех культурах, в том числе и в современной, предстает как богатырь или супермен, способный в одиночку вступить в поединок и одолеть врага (примеры из фольклора и современной прессы). Тоталитарное как «мужское». Тотальное доминирование мужского начала опасно для социума: в некоторых традиционных обществах мужские союзы фактически превращались в орудие террора. Стремление разрушить «мужское» как способ борьбы с тоталитарным. Один из способов борьбы, представленный в рекламе и массмедиа — разрушение мужской «персоны» (по К.Г. Юнгу). Доминирование женского в переходную эпоху как специфика колониального периода (по М. Мид).

«Доблесть», «отвага», «неустрасимость» — все мужские традиции направлены на поддержание и укрепление этих ценностей и воспитание их у молодежи. «Честь» и «слава» как награда за подвиги. «Честь» как комплекс морально-этических свойств, как верность некоему общепринятому и высоко ценимому в данном сообществе этическому кодексу. Подвиги совершаются не

только во имя духовных приобретений, но и для обладания вполне материальными ценностями: царская дочь в эпосе и сказках, доля имущества в соревнованиях на тризне и, если говорить о современности, вполне реальные материальные приобретения в жесткой конкурентной борьбе в современном бизнесе.

«Авантюризм», в т.ч. любовное приключение (авантюра). *Современный авантюрист* распространяет свои честолюбивые помыслы до земных полюсов (последний вояж Чилингарова), преодолевает немислимые расстояния на утлых лодочках или плотах, преодолевает огромные водные преграды вплавь, взбирается в одиночку на высочайшие вершины мира, заставляя себя похоронить, спрыгивает с небоскребов или взбирается на них без страховки. И этим подвигам нет конца. Ключевым элементом авантюризма является «тонкое владение судьбой», т.е. «игра» (по В.Н. Топорову). Страсть к игре и соревнованию — современные тотализаторы, в т.ч. в телевизионных версиях и в телешоу «За стеклом» и «Последний герой». Гонки по ночным улицам на накрученных лимузинах.

Как и тысячу лет назад, настоящий мужчина жаждет подвига и, конечно, вознаграждения за него. Этим, видимо, объясняется тот факт, что количество жаждущих испытать удачу в военных «авантюрах» в многочисленных «горячих точках» не иссякает.

2. Традиции. Мужская компания как институт групповой гендерной солидарности. Церемонии посвящения в мужское братство и связанные с ними испытания. **Формы групповых объединений:** **профессиональные** (нередко формализованные, например, группа находящихся в длительном плавании моряков, бригада золотодобытчиков, отряд геологов и т.п.) — **непрофессиональные** (например, группа альпинистов), **по увлечениям** (в т.ч. спортивные фанаты, байкеры, различные молодежные группы, нумизматы и филателисты и т.п.), **по территориальной принадлежности** (люберецкие, солнцевские и т.п.), **по идеологическим, конфессиональным и национально-этническим признакам**, хотя эти группы и не являются специфически мужскими, но некоторые типы идеологий, конфессий и даже национально-этнических объединений предпочитают половую сегрегацию.

Современная мужская компания как дальний потомок военизированных мужских союзов древности, с одной стороны, и профессиональных объединений средневековья, с другой. Первая «наследственная линия» проявляется, например, в таких специфических объединениях как «качки» или, например, в клубах «славяно-горицкой борьбы». Одним из проявлений этой линии является и современное казачество. Вторая — в замкнутых, закрытых объединениях вроде «Клуба брокеров», или в такой институционализированной организации, как Российский союз промышленников и предпринимателей, которые хотя и не декларируют себя как мужские объединения, но являются таковыми по существу. **Мужское застолье** как способ существования и организации мужской компании. **Баня и встречи «без галстуков».**

Молодежные движения (рокеры, скинхеды, толкиенисты) как стремление отчасти скомпенсировать потребность в неформальных мужских объединениях.

Формы проявления солидарности (анализ современной прессы и современного кино). Мужская дружба как союз во имя победы над врагом. Мужская клятва. Братание, побратимство. Господин и слуга. Учитель и ученик.

Охота как мужское занятие, средство консолидации мужского коллектива (в т.ч. охота как досуг высшего руководства). **Война, драка, борьба, спорт**

как современный аналог мужских соревнований «не на жизнь, а на смерть». Особый этос спортсмена по сравнению с этосом воина.

Заключение. В начале XXI века в России, пусть и в видоизмененном и трансформированном виде, продолжают полноценное существование многие устойчивые мужские традиции и ценности, известные по историческим и этнографическим источникам. Несмотря на существенное изменение за последние десятилетия гендерного равновесия в российском обществе «мужское» продолжает сохранять сильные позиции в частной жизни и оказывает существенное влияние на формирование общественной, политической и экономической элиты, а также на выстраиваемые стратегии развития страны.

А.Г. Левинсон

Советские вещи и постсоветские люди

1.1. В сословном обществе вещи как символы расписаны по сословиям и одно сословие не может пользоваться набором вещей другого. Однако переход отдельных вещей из одного сословного обихода в другой возможен при условии, что он совершается игровым образом (карнавал, гулянья).

1.2. В статусном обществе, напротив, идет непрерывный процесс подражания, захвата образцов представителями более низких статусов и отказ от них в вышележащих слоях, т.е., процесс снижения образцов по социальной структуре. Их вещи и вещные наборы формируются в высших статусных группах и далее «спускаются» во все более низкие слои.

1.3. Если основой статусной иерархий является власть, то она и будет основной семантикой вещей. Вещи каждой данной группы и каждого члена группы будут свидетельствовать о фактической мере власти в обществе и группе и об аспирациях по этой части.

1.4. Если основой статусной иерархий является богатство, то вещи будут метками этого признака.

1.5. Если перед нами дифференцированное современное общество, то в нем несколько (много) каналов вертикальной мобильности, много различающихся и не переводимых друг в друга ценностей - т.е. самостоятельных принципов иерархий. Вещи наделены семантикой этих различных ценностей, то есть говорят о принадлежности к различным рядоположенным группам и лишь для компетентного потребителя указывают место в своей собственной иерархии.

2.1. Советский строй складывался как причудливая амальгама всех пяти принципов.

2.2. Война, то внешняя, то внутренняя, постоянно сопровождавшая нашу историю, выступала как то более, то менее мощный:

2.3. экспроприатор,

2.4. десемантизатор,

2.5. ресемантизатор

2.6. и также деструктор вещей, препятствующий накоплению семантических слоев, появлению глубины.

3.1. Все же можно попытаться восстановить археологию советского вещного мира

3.2. До конца гражданской войны вещный мир представлял собой реликты первого и пятого состояний - перемешанные и с утрачиваемой семантикой.

3.3. Сверх того военный коммунизм и последующая диктатура поставили вещам семантику власти.

3.4. НЭП добавил семантику богатства.

3.5. Мировая война принесла трофеи - плохо читаемые, заново осмысляемые обломки чужих семантических систем.

3.6. Поэтика производственной вещи. А.Платонов, любовь к паровозу.

3.7. Поколения безвестные и безвещные. Брошенные деревенские вещи. Вещи лагерников.

4.1. В «мирные» годы холодной войны добавился импорт из соцстран, «нашего Запада», а также завоз из «настоящего Запада» - вещи, помеченные семантикой чужести, принадлежности обиходу непобежденного врага.

4.2. Появился «экспортный вариант» вещей собственного производства. Точка отсчета - не «мы», а «они». Советское значит отличное.

4.3. 1960-е, борьба с мешанством и культом вещей. Вещь как враг. Книга как вещь.

4.4. Начало музеефикации вещей и моды «ретро». Хамдамов «В горах мое сердце». Перек «Вещи». Декорации из десемантизированных и ресемантизированных вещей - развеществление как вещиизм.

4.5. Любить оружие, вещь смерти. Памятники с вещами.

5.1. Постсоветский вещный ландшафт. Отечественное и два импорта. Вещевые рынки и журнал «Вещь». Статус места продажи воздействует на статус вещи.

5.2. У кого что есть. Стареющий парк советских вещей у стареющих советских людей. Молодые как «Люди в новом».

5.3. Мафия и мода. Ракетка Ельцина

5.4. Перенос чужих статусных маркеров в наш контекст - стандарты среднего класса как стандарты высшего.

5.5. Вещи, производящие изображения и звуки - главные вещи в доме. Электронный этап вещности.

5.6. Офисная культура. Динамический статус: скорость смены интерьеров - 1 раз в год, и скорость смены кабинетов - один раз в два года.

5.7. Постсоветское поколение. Отказ от советских вещей. Данные ВЦИОМ о потребительском патриотизме. Продтовары - тах, промтовары - мип. Идея иномарки.

«Доярушка» - новый смысл слова «отечественное».

5.8. Универсальная вещная среда мегаполиса - будущее людей и вещей.

СЕКЦИЯ III. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Л.М. Дробижева

Этническая идентичность: советское наследие и современные подходы

1. Этническая идентичность изучается как междисциплинарный феномен социологами, этнологами, психологами, историками, философами и политологами. Каждая научная дисциплина имеет свой угол зрения и инструментарий изучения. Но наибольшие достижения были сделаны в отечественной и мировой науке при междисциплинарном подходе.

2. Общим для всех дисциплин в советский период было рассмотрение этнической идентичности (национального самосознания в терминологии тех лет) а) как одного из признаков этнической общности, до 1970-х гг. не всегда рассматриваемого самостоятельно; б) как феномена жестко детерминированного экономическими, политико-культурными факторами, в рамках формационного подхода; в) как явления, изучавшегося главным образом в концепции социально-исторического примордиализма.

3. Достижением этнологии 1970-80-х гг. было утверждение представлений о национальном самосознании как значимом и самостоятельном признаке этноса (от Кушнера (1947) к Козлову (1968, 1979), Бромлею (1972, 1983)), что имело значение для переписи населения.

Выделялось узкое (Козлов) и широкое понимание национального самосознания (Бромлей, Крюков, Джрылгасинова)

4. Наиболее существенный прорыв в изучении был сделан этносоциологами в 1980-ые гг.: а) выделены уровни функционирования: групповой и личностный; б) выделено рассмотрение этнической идентичности как компоненты множественной идентичности и роли социально-профессиональной идентичности как фактора (Дробижева (1981, 1984, 1995)); в) началось комплексное рассмотрение этнической идентичности на уровне дискурса (в том числе, с помощью контент-анализа), институциональных документов, установок и ориентаций в массовом сознании и поведении; г) в структуре этнического самосознания стали изучаться не только содержательные компоненты, когнитивные представления, но и эмоциональные и регулятивные.

Существенное влияние оказывали разработки социологами проблем установок и ценностных ориентаций (Грушин, Ядов).

5. Развитие национальных движений, возможность общения с западной литературой привело к проникновению в этносоциологию деятельности подхода, широкому использованию теории социальной идентичности Теффела, проникновению идеи гуманистической психологии (А.Маслоу, Дж. Дэвис).

6. Современные подходы рождались в утробе прежних и стимулировались 3 основными факторами: социальной практикой, "открытием границ" и укреплением междисциплинарных связей, особенно с психологами (проявившихся в работах Солдатовой (1985, 1998), Лебедевой (1993), Рыжовой (1995, 1996)).

7. В современных подходах к изучению этнической идентичности доминирует социально-деятельностный подход (Гиденс, Шюц, Штомба, Ядов).

Широкую перспективу открыло распространение в социологии и этнологии (для России, прежде всего, благодаря работам Тишкова) конструктивистского и инструменталистского подхода. Благодаря этим подходам, этническая

идентичность практически становится основным аргументом этничности, а состояние этнической идентичности – одной из основных проблем сохранения мира в многокультурном обществе.

Новые подходы позволили преодолеть ограниченность теорий исходящих из жесткой детерминации представлений людей внешней средой, включить в изучение концепции символического интеракционизма, шире применять концепцию социальных ролей, в том числе элит, в итоге использовать эффект полипарадигмального подхода.

Л.Д. Гудков

Особенности модернизации в России и характер русской этнонациональной идентичности

1. Обычно, когда говорят о модернизации в России, во внимание принимается лишь самые общие черты и результаты этого процесса: высокие уровни промышленного развития, урбанизации, образования, здравоохранения и относительно рациональное демографическое поведение населения. Но при этом, как правило, за скобками оставляют направляющие этого процесса, его институциональные рамки и мотивационные особенности, принудительно-форсированный, даже репрессивный характер модернизации, обусловленность развития целям тоталитарного режима, задачам его воспроизводства. Крайне редко принимается во внимание также и социально-культурные обстоятельства, предопределившие крах модернизации первого типа, имевшей место до начала первой мировой войны и вызвавшие контр-модернизацию советского типа. Между тем, эти моменты – не факультативные свойства российского или советского процесса, а принципиальные характеристики самого процесса и мотивационных составляющих российско-советской модернизации.

2. Модернизация в России 1928-1975 годов (до проявления очевидных признаков стагнации и краха системы) – представляла собой односторонний процесс военно-промышленной модернизации, соответствующий интересам воспроизводства тоталитарного режима. О достижениях технологического и научного развития, образовательной системы можно говорить только применительно к сферам, отвечавшим нуждам интересам ВПК. Социальная же сфера в самом широком смысле, включая и повседневную жизнь, модели человека и его запросов, оставалась в состоянии искусственной бедности, зависимости от патерналистской политики режима.

3. Незрелость гражданского общества, систематическое блокирование модернизации на уровне экономической и частной жизни в обществе – это не случайно-историческое последствие российской политической и национальной культуры, а результат последовательной планомерной политики, функционирования специфической системы институтов тоталитарного типа, подавляющих формирование универсальных структур ценностей, мотивации, идентификации достижения, нормативных правил поведения, характерных для сложных и дифференцированных обществ. Планомерно-распределительная система экономики, базирующаяся на жестком рacionamento потребления, хроническом дефиците благ и услуг, неизбежно предполагала иерархический порядок организации общества, закрытый (квази-сословный) характер социальной структуры и группообразования, систематическое ограничение социальной вер-

тикальной и горизонтальной мобильности. Длительное существование этого порядка могло быть легитимировано идеологией, при всех своих вариациях опиравшейся на специфический, двойственный комплекс идей и представлений, включавший официальные компоненты «героически-державный» культ (конститутивное значение «врагов» разного рода, внутренних и внешних), а соответственно, - требования готовности к мобилизации, индивидуального «самопожертвования», «аскезы», оправдания бедности, приоритетов социального целого (власти как «общества»), с одной стороны, и неизбежно следующего из этого – неформального опыта частного выживания, кодекса неформальной солидарности (семейной, этнической, локальной, неформально-групповой и т.п.). Закрытость возможностей индивидуального достижения привела к формированию латентных структур негативной идентификация как особого типа механизмов систематического приспособления к требованиям режима (двоемыслия, социального лицемерия, множества компенсаторно-защитных представлений и комплексов). Коллективная идентичность, таким образом на поздних фазах советского общества и перестройки включала в себя семантические представления, санкционирующие как систематическое снижение запросов (понижающая адаптация), так и защитно-изоляционистские формы редукции напряжений, вызванных разрывом запросов и конфликтом ценностей. Результатом этого стали позднейшие противоречия в системах национальной и этнической, повседневной и государственной идентичности, нерационализируемость норм и правил достижения частных целей, усиливающийся партикуляризм, тормозящий. А часто и блокирующий модернизационные импульсы развития.

4. Система этнонациональных референций строится на нескольких взаимосвязях: представлениях о патерналистской «власти» как агенте модернизации, соответственно, необходимости ее поддержки и признании ее символов (войны, военной мощи, героического прошлого); солидарности с ней, определяющих горизонтальные отношения «свои-чужие»; и, наконец, защитных по отношению к власти комплексах двоемыслия, символах и нормах неформальной, частной, партикулярной (семейной, локальной, групповой идентичности).

5. Систематически воспроизводящаяся двойственность этого рода может компенсироваться только ревитализацией традиционалистских, даже - архаических (или точнее – псевдоархаических) представлений. Отсюда усиление в последние годы национал-популизма в политике, рост неотрадиционализма и ксенофобии, бытовой этнической агрессии, зависти и изоляционизма. Нынешний характер этнонациональной идентичности, поэтому может быть квалифицирован как защитно-консервативный. Автор предполагает подчеркнуть роль немодерных представлений как средств интеграции всего целого.

6. Опираясь на данные многолетних социологических опросов ВЦИОМ, докладчик кратко попытается описать типичные составляющие массовых этнических представления о «себе» и «других», наметить шкалу этнонациональной идентичности, заданной свойствами и качествами модернистской утопии «Запада».

Изменяющаяся социальная идентичность на постсоветском пространстве.

Изменяющаяся социальная реальность («исчезновение» старых и появление «новых» социальных категорий) привела как к изменениям в системе социальных самоидентификаций личности, так и к изменениям самих процессов идентификации. Анализ результатов этнопсихологических исследований на постсоветском пространстве (Россия, Украина, Литва, Казахстан, Узбекистан, Эстония) выявил основные векторы изменения процессов самоидентификации: от стабильности к неустойчивости, диффузности, неопределенности; от унифицированности к разнообразию; от глобальности к артикулированности, детализации; от потребности в самоуважении к потребности в смысле; от оценочной полярности к антиномичному единству. Данные изменения, на наш взгляд, отражают глубинные изменения в обществе и человеческом сознании в направлении большего разнообразия, богатства, полнокровности и способствуют более адекватной адаптации в изменившихся условиях.

В условиях социальной нестабильности личная идентичность является ведущей и определяющей направления социальной самоидентификации. Основной самоидентификации личности в изменившихся условиях является не столько базовая потребность в самоуважении, сколько потребность в смысле, в понимании, что способствует наилучшей адаптации и усилению чувства контроля над собственной жизнью.

Рассматривается выявленный исследователями диапазон кризисных явлений социальной идентичности на постсоветском пространстве (снижение, утрата или резкий рост идентификации с различными социальными категориями) и их влияние на миграцию, социально-психологическую адаптацию мигрантов и этническую толерантность-интолерантность.

А.Д. Коростелев

Этническая идентичность: структура и вариативность

1. Термины "этническая идентичность" и "этническое самосознание" в большинстве случаев могут выступать как синонимы. Тем не менее, существуют ситуации, когда имеет смысл разграничить эти понятия.

2. Можно выделить различные срезы этнической идентичности (внутренняя идентичность, декларируемая, приписываемая другими, официально фиксируемая идентичность), которые находятся во взаимосвязи и подвержены динамическому взаимовлиянию.

3. Вопрос о механизме возникновения несовпадения этнической самоидентификации и идентификации людей другими включает рассмотрение трех отдельных вопросов:

а) кто именно осуществляет конкретный акт приписывания индивиду определенной этнической принадлежности?

б) на основании каких критериев он это делает?

в) насколько возможные результаты различных приписываний воспринимаются как взаимно несовместимые?

4. Множественная идентичность может создаваться, кроме всего прочего, и разнообразным сочетанием внешних приписываний.

5. Исследователями не всегда уделяется достаточно внимания вариациям представлений о собственной идентичности в некоторых этнических группах. Приведены иллюстрирующие такую вариативность факты, относящиеся к ряду этнических общностей Поволжья и Приуралья.

6. Отмечено существование ситуаций, когда самосознание одних представителей групп, считающихся субэтническими, "подтверждает" идею иерархичности этнических общностей, тогда как самосознание других "опровергает" ее; такое явление, когда одна этническая общность частично входит в другую в качестве "субэтнуса", а частично не входит в нее, предлагается называть "полуиерархичностью".

С.В. Соколовский

Этническая идентичность в переписях населения: классификационные принципы и подходы

Разработанный учеными ИЭА РАН новый и расширенный, по сравнению с переписью 1989 г., список национальностей построен на методологических принципах, учитывающих особенности современных этнических процессов, потребностей управления в сфере национальной политики и образования, либерализации переписного инструментария и методик учета населения, устранение ряда недостатков прежних переписей населения и преодоление устаревших подходов, на которых они основывались. Основной целью вводимых изменений было обеспечение права граждан на самостоятельный выбор этнической и языковой идентификации и минимизация помех идеологического, политического и бюрократического характера в реализации этого права, однако полученный список стал компромиссом между сложившимися в стране традициями учета населения и полным обеспечением этого права.

Практика учета, в которой ответы населения на прямой вопрос о национальной принадлежности затем особым образом упорядочиваются, и все их многообразие сводится к заранее заданному перечню сложилась уже в первых советских переписях населения 1920-х гг., и любое рассмотрение современных этнических категоризаций, используемых в государственной практике, неизбежно влечет за собой обращение к документам этих ранних переписей. Пересмотр принципов учета населения, принятых в переписном инструментарии дореволюционной России, главным образом в переписи 1897 г., был вызван, желанием нового правительства полнее учесть «национальный фактор», с одной стороны, и с критикой этнографов сложившихся к тому времени подходов, с другой. В отечественной историографии есть немало работ, посвященных истории переписей, однако до сих пор нет монографических исследований, которые были бы сфокусированы на истории этнических классификаций и категоризации населения по этническому принципу в переписях. Такая работа, однако, в некоторой степени проделана нашими зарубежными коллегами⁶, которые обращают наше

⁶ См., например, диссертационные исследования: Hirsch F. *Empire of Nations: Colonial Technologies and the Making of the Soviet Union*: Ph.D. Diss. – Princeton University, 1998; Knight N. *Constructing the Science of Nationality: Ethnography in Mid-Nineteenth Century Russia*: Ph.D. Diss. – Columbia University, 1994; Slezkine Yu. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. – Ithaca, 1994 etc. См. также статью: Hirsch F. *The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category of Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses* // *Slavic Review*. – 1997. – Vol.56, №2. – pp. 251-278

внимание на первые десятилетия XX века как на особый период, сыгравший решающую роль в складывании особенностей современных этнических категоризаций в нашей стране.

Наиболее важную роль в формировании двухступенчатой процедуры учета этнической принадлежности (фиксация ответов в ходе переписи и последующая их перекодировка и сведение к заранее заданному перечню) сыграла возникшая еще при Временном правительстве Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС)⁷, в которую вошли многие члены Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России Императорского Российского Географического Общества (ИРГО). Между 1909 и 1915 гг. в Постоянной Комиссии ИРГО была собрана информация о языках, одежде, жилище и быте народов империи и подготовлены проекты этнографических карт.⁸ В феврале 1917 г. за несколько недель до февральской революции петербургские этнографы, озабоченные тем, что немцы организовали изучение этнографического состава ряда западных территорий (Литвы, Галиции, Буковины, Бессарабии и др.), обратились в правительство с предложением изучить племенной состав приграничных территорий европейской и азиатской России. Аналогичное обращение во Временное правительство в марте 1917 г., в котором подчеркивалась стратегическая и экономическая ценность этнографической информации, привело к тому, что к середине 1917 г. правительство одобрило бюджет для создания КИПС при Российской Академии Наук. Однако этнокартографическая работа членов КИПС была осложнена разногласиями относительно объективных критериев племенной и национальной идентичности. С.Ф. Ольденбург, председатель Комиссии, рекомендовал придерживаться языка и религии как основных показателей национальной принадлежности, информация о которых была доступна благодаря переписи 1897 г.⁹ Другие этнографы считали, что язык является ненадежным показателем этнографического типа и предлагали взять в качестве определяющих другие показатели. Представления о природе этнической идентичности были в то время нестрогими, и в традициях ИРГО было принято ставить знак равенства между национальной принадлежностью, с одной стороны, и языковой и религиозной принадлежностью – с другой. Различия в специализациях (в комиссию, помимо этнографов, входили лингвисты, географы, специалисты по физической антропологии) не позволили выработать общего подхода к определению национальности вплоть до переписи 1926 г.

В 1919 г. на основе языковых данных («национальности, определяемой по языку») была произведена делимитация границ между Украиной, Белоруссией и РСФСР. Однако, как оказалось, на востоке и юге страны язык переставал выглядеть как надежный показатель национальной принадлежности, и известный этнограф В.В. Богданов, член правительственной комиссии 1919 г., даже сомневался в том, что язык в качестве показателя национальности может использоваться за пределами европейской России.

Принцип национального самоопределения, принятый на вооружение новой властью, однако требовал выработки более строгих и стандартизованных

критериев определения национальной принадлежности. В том же 1919 г. КИПС информировала Наркомнац о своей картографической работе. Чиновники Наркомнаца, работавшие совместно с ВЦИК над определением этнических границ в европейской России, запросили карты Украины и России и материалы по этническому составу Урала.¹⁰ В своей работе с этими организациями и Госпланом, этнографы столкнулись с необходимостью проведения новых полевых исследований, поскольку данные переписи 1897 г. были признаны неполными и, отчасти, неверными. Уже к 1920 г. родной язык перестал рассматриваться членами КИПС как основной показатель народности, и этот подход был заменен довольно сложной методикой определения национальной принадлежности населения, включавшей вопросы об официальных и неофициальных наименованиях групп населения, родовых и территориальных подразделениях в рамках отдельных народностей и т.п. Столь же детальные сведения собирались о языке и вероисповедании, причем выяснились отношения и связи между 'национальным самоопределением' с вероисповеданием. Все эти исследования, и дискуссии о принципах национального районирования и регионализации, позволили выработать новый подход, положенный в основу переписи 1926 г. и использованный затем во всех советских переписях. Главной чертой этого подхода, как уже упоминалось, стала двухступенчатая процедура определения национальной принадлежности.

В 1923 г. правительство объявило о намерении провести в 1925 г. первую Всесоюзную перепись населения. В марте 1923 г. несколько этнографов – членов петроградского отделения КИПС – встретились с чиновниками Наркомнаца и предложили более тесное взаимодействие. С.И. Руденко в своем докладе обратил особое внимание на то обстоятельство, что многие неточности и ошибки переписи 1897 г. были сделаны вследствие того, что перепись не содержала вопроса о национальности. КИПС было поручено провести опрос населения различных республик и областей с целью выяснения как население понимает национальность и выработки методики определения.

Формулирование вопросов и инструкций для будущей переписи заняло несколько лет и сопровождалось острой дискуссией между представителями различных подходов к пониманию национальности. В период 1924-26 гг. в КИПС были разработаны инструкции по регистрации национальности и составлен Список национальностей СССР. В.П. Семенов-Тянь-Шанский, руководитель подкомиссии по переписи, подготовил список из пяти вопросов, который должен был помочь переписчикам определить национальность опрашиваемых. Согласно его предложению переписчики должны были узнать национальную принадлежность родителей опрашиваемого, вероисповедание, в «котором он родился», принадлежность его к тому или иному вероисповеданию на время опроса, его разговорный язык в детстве, а также язык, которым он пользуется сегодня дома, наконец, его владение русским языком. Петроградский статистик А.А. Достоевский ратовал за более прямой вопрос «К какой национальности вы себя относите?»¹¹ Однако многие этнографы сомневались, что вопрос в такой формулировке будет понят населением. Предыдущая работа КИПС и, в особенности, полевые материалы исследований по вопросу национальности, выявили,

7 См.: Об учреждении Комиссии по изучению племенного состава населения России // Известия Комиссии по изучению племенного состава населения России. – Петроград, 1917

8 Патканов С.К. Проект составления племенной карты России // Живая старина. – 1924. – Т.24, №3. – стр.217-244

9 Петербургский филиал архива РАН, ф.2, оп.1-1917, д.30, лл.40-42 (Цит. по: Hirsch F. Empire of Nations, p.28).

10 Петербургский филиал архива РАН, ф.2, оп.1-1917, д.30, лл.188 (Цит. по: Hirsch F. Empire of Nations, p.36).

11 Петербургский филиал архива РАН, ф.135, оп.1, д.11, л.117 (Цит. по: Hirsch F. Empire of Nations, p.86).

что далеко не во всех регионах население понимает термины национальность и народность, а в ряде случаев вообще эти термины не имеют аналогов на родных языках опрашиваемых. С другой стороны, имеющиеся в наличии разнообразные списки «объективных критериев» национальной принадлежности сами являлись предметом дискуссий. Помимо этого, полевой опыт некоторых этнографов позволял им заявлять, что не все ответы на вопрос о национальной принадлежности могут считаться «правильными». Так, например, известный исследователь Средней Азии И.И. Зарубин рекомендовал, например, при ответе «сарт» у носителей узбекского языка записывать «узбек».

Именно эти и подобные сомнения и привели к компромиссной идее двухступенчатой регистрации национальной принадлежности. Учитывая разнообразие реальных ситуаций в различных регионах страны, руководство ЦСУ признало целесообразным сопровождение анкеты различными пакетами вспомогательных материалов для разных территорий. Сомнения в том, что население, в силу его неграмотности и отсталости, окажется способным дать «правильные» и «приемлемые» ответы привело к дифференциации вопроса о национальной принадлежности (на Украине его задавали в форме «национальность (народность)»; в Закавказье вопрос о народности сопровождался устным комментарием переписчика с вопросами о национальности, племени, роде и т.п.) и узаконило тот подход, который преобладает сегодня, когда вопрос о национальной принадлежности дополняется процедурой группировки полученных ответов по заранее разработанным категориям учета.

Серьезные сомнения в демократичности этой процедуры и научной и практически ценности данных, получаемых в результате ее применения, возникли не сегодня¹². Двухступенчатая процедура регистрации национальной принадлежности (несмотря на усилия экспертов найти в ходе подготовки списков национальностей и языков оптимальные решения ряду проблем научного, правового и политического характера) нарушает право человека на выбор и определение собственной национальной принадлежности. Альтернативой этому подходу выступает принцип открытого списка, который отвергается Госкомстатом по причине технических сложностей обработки ожидаемого разнообразия ответов на вопросы о языковой и национальной принадлежности. Эти трудности не носят непреодолимого характера, в то время как старая процедура создает весьма серьезные политические, правовые и научные проблемы, однозначных решений которых вообще не предвидится. Доклад содержит конкретные примеры отступления от единых принципов классификации в ряде случаев выделения основных категорий учета по национальной принадлежности, а также случаи политического лоббирования в пользу тех или иных решений при составлении перечня национальностей.

¹² Соответствующие материалы работы группы экспертов при Советском фонде культуры нашли отражение в обращении в Верховный Совет СССР (письмо на имя А.И. Лукьянова по поводу новых подходов к этническим и языковым аспектам переписи), в рекомендациях по уточнению Словарей национальностей и языков, а также в материалах дискуссий по проекту "Список народов СССР", опубликованных в сборнике статей "Этнокогнитология. Вып. 1. Подходы к изучению этнической идентификации (редактор-составитель С.В. Соколовский; научный редактор Э.А. Чамокова). - М., 1994.